

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2020. № 1 (9)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, PhD, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии ЯУ, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации ЯУ
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. Д. Васильев
РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИФИКИ МЕСТОИМЕНЕЙ
В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ
A. D. Vasilyev
REALIZATION OF SPECIFIC ROLE OF PRONOUNS
IN TEXT AND DISCOURSE

[4]

В. В. Ингул
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
НОВЕЙШИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
V. V. Ingul
FUNCTIONING OF THE LATEST LEXICAL BORROWINGS
IN RUSSIAN LANGUAGE POLITICAL TEXTS

[13]

А. А. Курделяс
ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)
A. A. Kurdelyas
EUPHEMISATION OF MODERN MEDIA
(ON THE EXAMPLE OF NEWSPAPER HEADLINES)

[23]

Е. В. Устьянцева
МОДЕЛЬ ИНТЕГРАТИВНОГО ОПИСАНИЯ СЛОВА-ОБРАЗА
E. V. Ustyantseva
WORD-IMAGE INTEGRATIVE DESCRIPTION MODEL

[32]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. В. Марков
ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДА
В СБОРНИКЕ М. СТЕПАНОВОЙ «ЗА СТИВИ СМИТ»
A. V. Markov
TRANSLATION BOUNDARIES
IN FOR STEVIE SMITH BY M. STEPANOVA

[41]

О. А. Кондакова
МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ
«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»
O. A. Kondakova
MORTAL MOTIVES IN GUZEL YAKHINA'S
NOVEL ZULEYKHA OPENS HER EYES

[56]

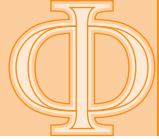
СООБЩЕНИЯ

Е. И. Зелинская
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНАХ В. ПЕЛЕВИНА
Ye. I. Zelinskaya
ESCHATOLOGICAL MOTIVES IN V. PELEVIN'S NOVELS

[64]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[70]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-32>

УДК 81-114.4

РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИФИКИ МЕСТОИМЕНИЙ В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

А. Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Что значит я? Я бывают разные!

А. А. Милн

Аннотация

Постановка проблемы. Выполнение языком его коммуникативной функции, которую обычно считают первостепенно важной, возможно прежде всего благодаря использованию слов, обладающих номинативными потенциями. Известно, впрочем, что эти потенции реализуются довольно вариативно – в зависимости от частеречной принадлежности лексемы.

В данном аспекте весьма интересны местоимения. Их лексические значения в чем-то подобны нулевым окончаниям: формально отсутствуют, но имплицитно подразумеваются. Семантика местоимения способна воплощаться вследствие наличия его ближайшего словесного окружения, то есть в контексте высказывания, который в условиях ситуации непосредственного устного общения складывается также и при участии невербальных действий адресанта.

Цель статьи – выявление специфики местоимений как особой части речи и их способности обретать конвенционально определяемое лексическое значение в разных формах коммуникативных актов.

Исследование. Нами анализируется употребление местоимений двух различных источников: литературно-художественные тексты, где местоимения служат особого рода манифестантами авторских интенций; фрагменты современного русскоязычного дискурса, в котором удельный вес местоимений чрезвычайно высок.

Вывод. Рост удельного веса местоимений в сегодняшнем русскоязычном речевом потоке – одна из важных особенностей, характеризующаяся снижением количества активно используемых лексических единиц в повседневном разговорном общении. Этот процесс дополняется нарастанием использования пиктограмм в электронной и иной переписке. Совокупность подобных феноменов сигнализирует об оскудении когнитивных потенций членов языковой общности.

Ключевые слова: местоимение, номинативная функция, контекст, потенциальное лексическое значение, коммуникативный акт, выражения интенций коммуникантов, текст и дискурс.

Постановка проблемы. Функции языка многочисленны. Обычно среди них в качестве важнейшей выделяют коммуникативную. При этом следует обратить особое внимание на лексико-семантический уровень языковой системы и его структурную единицу – слово, наделенное номинативными потенциями, которые, впрочем, способны реализоваться по-разному, в зависимости от частеречной принадлежности лексемы.

Определенное своеобразие местоимения как части речи не раз вызывало интерес исследователей (например, [Щерба, 1974, с. 83–85; Бенвенист, 1974, с. 292, 295 и др.]), прежде всего потому, что, памятуя школьную грамматику, местоимения не называют предмет или его признаки, но лишь указывают на них. Иначе говоря, традиционно – и справедливо – местоимению если и не отказывают совершенно в способности иметь лексическое значение, то подразумевают некую чрезвычайную специфику последнего. «Сложность и „трудноуловимость” их семантики привела к существованию принципиально разных концепций местоименного значения. Как известно, местоимения часто рассматривались и рассматриваются как слова семантически опустошенные или во всяком случае как слова, значение которых ситуационно изменчиво. Наряду с этим есть работы, в которых раскрывается многокомпонентная структура местоименного значения, свидетельствующая о семантической насыщенности их содержания. Различия в трактовках часто связаны с акцентированием внимания на разных аспектах значения или функционирования местоимений» [Селиверстова, 1988, с. 3].

Исследователи отмечают изменения в семантике местоимений в зависимости от жанра, контекста: «В лирической поэзии наблюдается множество своеобразных проявлений и трансформаций семантики личных и притяжательных местоимений, которые обусловлены необходимостью передачи поэтом разных оттенков и нюансов мыслей и чувств лирического героя» [Мурашева, 2004, с. 19].

Цель статьи – выявление специфики местоимений как особой части речи и их способности обретать конвенционально определяемое лексическое значение в разных формах коммуникативных актов.

Исследование. Между тем хорошо известно, что в речевом потоке, вследствие некоторых особенностей употребления, обусловленных интенциями адресанта, местоимения очень близки к возможностям манифестировать не только минимальные по объему, но и довольно обширные понятия.

Вот самые хрестоматийные примеры:

«...Пора пришла, она влюбилась.

<...> Давно сердечное томленье

Теснило ей младую грудь;

Душа ждала... кого-нибудь,

И дождалась... Открылись очи;

Она сказала: это он!»

[Пушкин, 1978, т. 5, с. 51].

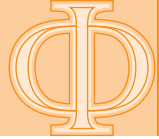
«Ты чуть вошел, я вмиг узнала,

Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила: вот он!»

[Пушкин, 1978, т. 5, с. 61].

Будучи «дешифрованным», местоимение *он* несет здесь приблизительно следующую информацию: «*он* – воплощенный (то есть буквально – „во плоти”) герой французских любовных романов, которые, наряду с суевериями, сонниками

и проч., составляли духовную пищу Татьяны, и, в сочетании со столичным обликом и манерами Онегина, сделали его избранным персонажем ее девических грез, до того момента безуспешно искавших хоть какого-то объекта, достойного сердечного внимания физически созревшей героини».

Другой пример, семантически подобный:

«„Печален ты; признайся, что с тобой”.

– Люблю, мой друг! – „Но кто ж тебя пленила?

<...> Кому ж ты жертвуешь душой?”

– Ах, *ей!* – „Ты скромн, друг сердечный!

Но почему ж ты столько огорчен?

И кто виной? Супруг, отец, конечно...”

– Не то, мой друг! – „Но что ж?” – Я *ей* не *он*»

[Пушкин, 1977, т. 1, с. 236].

Ср. несколько иной пример:

«Пустое *вы* сердечным *ты*

Она обмолвясъ заменила,

И все счастливые мечты

В душе влюбленной возбудила.

<...> И говорю ей: как *вы* милы!

И мыслю: как *тебя* люблю!»

[Пушкин, 1977, т. 3, с. 58].

Здесь очевидна потенциальная вариативность (конкуренция?) двух обращений к одному и тому же адресату: официально дистанцирующее *вы* и интимно сближающее *ты*, каждое из которых может быть наполнено соответствующей семантикой и коннотацией.

Особенно интересны и информативны случаи употребления местоимения *наш* (*наши*) для обозначения различных сообществ, отделенных или отделившихся от остальной массы по каким-либо определенным признакам – этническим, идеологическим, политическим и иным.

Ср., например, вариативность представления о *наших* в гоголевском тексте.

«Ясные паны! – произнес жид. – <...> То совсем не наши, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жидаы: то черт знает что <...>. Мы с запорожцами как братья родные...» – «Как? Чтобы запорожцы были с вами братья? – произнес один из толпы. – Не дождетесь, проклятые жидаы! В Днепр их, панове!» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 66].

«Спасены, спасены! – кричала она [татарка] <...>. – Наши [т. е. поляки] вошли в город» <...>. Но не слышал никто из них [Андрий и панночка], какие „наши” вошли в город» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 92].

«Что ж ты делал в городе? Видел наших?» – «Как же! Наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор...» – «Пропади они, собаки! – вскрикнул, рассердившись, Тарас. – Что ты мне тычешь свое жидовское племя! Я тебя спрашиваю про наших запорожцев». – «Наших запорожцев

не видел. А видел одного пана Андрия <...>. Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 96–97].

В чеховском рассказе: «Уморительные попадают субъекты, – говорит Михаил Федорович. – <...> А то наемни прихожу в театр <...>. Как раз впереди меня <...> сидят каких-то два: один „из насих”¹ и, по-видимому, юрист, другой, лохматый – медик <...>. Как только какой-нибудь актер начнет громко читать монолог или просто возвысит голос, мой медик вздрагивает, толкает своего соседа в бок и спрашивает: „Что он говорит? Бла-а-родно?” – «Благородно», – отвечает из насих» [Чехов, 1955, т. 6, с. 305–306].

У Ф. М. Достоевского: «В восьмом часу вечера <...> собрались наши в полном комплекте, в пятером <...>. Наши были возбуждены» [Достоевский, 1957, т. 7, с. 406] (здесь *наши* – члены революционной подпольной организации).

Подобным образом выражается Остап Бендер в сцене собрания тайного анти-советского общества «Союз меча и орала»; вербуя в него «слесаря-интеллигента» (он же – «кипучий лентяй») Полесова, великий комбинатор задает ему вопрос: «Наших в городе много?» [Ильф, Петров, 1957, с. 119]. Здесь *наши* – сторонники восстановления самодержавия, скрытые враги советской власти.

Ср. также характеристику персонажа, глубоко порядочного квартального Рыжова («Однодума»), «библейского социалиста», краткую квалификацию которого горожане, повседневно пользующиеся совсем иными аксиологическими ориентирами, дают с помощью местоимений – и чиновники, и прочие обыватели. Первые на расспросы нового губернатора отвечают: «...Просто всегда *такой*» [Лесков, 1981, с. 212]; вторые, «покрутя рукой в воздухе, отвечали: „Он у нас *такой-некий-эдакой*”» [Лесков, 1981, с. 216]. Понятно, что личность описываемого таким образом в действительности достаточно многогранна, но при этом всецело подчинена практическому следованию христианским постулатам (конечно же, их соблюдают и все остальные действующие лица, однако лишь формально – применительно к обстоятельствам, в том числе и духовные наставники). Поэтому сограждане Рыжова, не прибегая к подробностям, очевидно контрастирующим с их собственным образом бытия, применяют краткое и семантически диффузное описание честного блюстителя порядка.

Именно эта крайняя смысловая расплывчатость местоимения, весьма относительно способная обретать подобие лексического значения в дискурсивном потоке, может затруднить адекватное понимание предмета коммуникации. Так, в рассказе о допросе следователем свидетеля (крестьянина невысокого культурно-образовательного уровня и к тому же малосообразительного) показания последнего приходится постоянно уточнять: «Абрамка стал было *его* унимать <...>, а *он* Абрамку по уху. Абрамкин работник *его*... А *он* схватил *его*, поднял и оземь... Тогда *тот* сел на *него* верхом и давай в спину барабанить... Мы *его* из-под *него* за ноги вытащили. – *Кого его?* – Известно, *кого*... На *ком* верхом сидел... – *Кто?* – Да *этот самый*, про *кого* сказываю» [Чехов, 1955, т. 4, с. 350–351]

¹ Ср.: «Он из наших (т. е. жид)» [Даль 1984, т. 1, с. 272].

(кстати, этот же текст иллюстрирует этический аспект употребления личных местоимений: для начинающего следователя как должностного лица – и для немолодого допрашиваемого с собственными представлениями о культурно-речевых стереотипах: «Нужно говорить вы... Нельзя тыкать! Если я говорю тебе... вам *вы*, то вы и подавно должны быть вежливым! – Оно конечно, вашескородие! Нешто мы не понимаем? Но ты слушай, что дальше...» [Чехов, 1955, т. 4, с. 349]. До некоторой степени подобными критериями руководствуются и солигаличские «простецы»: «Довольно неясное определение это [*такой-некий-этакой*] для них имело значение ясное и понятное» [Лесков, 1981, с. 201]).

Следует отметить также тонкое психолингвистическое наблюдение поэта, обратившего внимание на константное закрепление за адресантом личного местоимения, вступающее в противоречие с постоянными трансформациями личности, в стихотворении «Перед зеркалом»:

«Я, я, я. Что за дикое слово!
 Неужели вон тот – это я?
 Разве мама любила такого,
 Желто-серого, полуседого
 И всезнающего, как змея?»

[Ходасевич, 1989, с. 174].

Не менее интересны примеры использования местоимений, содержащиеся в спонтанных коммуникативных актах.

Многие местоимения оказываются контекстуально чреватые некими смыслами, что зачастую наблюдается в повседневной разговорной речи. Например, реплики, которые можно услышать в учительской: «*Тот* еще класс!», или: «Ребятаки еще *те!*»; оценка, которая при этом высказывается говорящим по отношению к характеризваемому объекту, вряд ли может быть названа мелиоративной.

Или: употребление в современном малонормированном речевом потоке местоимения *такая* обычно в связке с местоимением *вся* (приводятся именно формы женского рода, ибо подобные высказывания обычно производят представительницы прекрасного пола, преимущественно – кажется – сравнительно молодые); например: «Я стою *вся такая*». Подобная реплика оставляет широкий простор воображению собеседницы (собеседниц), вольной живописать для себя внешний вид и эмоциональное состояние рассказчицы в описываемой ею ситуации. Еще более благодарную почву для интеллектуальных построений аудитории, соответствующей повествовательнице, являют собой столь же устойчивые высказывания вроде: «Прикинь, я стою вообще ([*вллш'э*]) *вся такая!*» Впрочем, не приходится сомневаться, что коммуникантки достаточно хорошо понимают друг друга, хотя это, наверное, обмен не столько словами как языковыми единицами, сколько знаками некоего общего для говорящих кода, где лексические значения далеко не первостепенны. По-видимому, главные роли здесь отводятся позам, жестам, мимике, интонации и прочим невербальным средствам передачи информации (или квазиинформации). Это скорее обмен

эмоциональными посланиями, близкий к междоветному диалогу. Кроме того, в подобных случаях на первый план в ущерб коммуникативной очевидно выдвигается фатическая функция языка.

На основе проведенного анализа представляется возможным сделать следующие *выводы*.

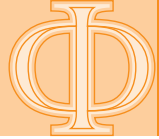
Во-первых, местоимения самым наглядным образом иллюстрируют известные лингвистические положения: «Слова живут не вне контекстов их употребления» [Филин, 1982, с. 286] – и: «Слово важно не словарным своим значением <...>; полный *смысл* слова проявляется в тексте, зависит от соседних слов и момента речи...» [Колесов, 2004, с. 100].

Во-вторых, чрезвычайный рост удельного веса местоимений в сегодняшнем русскоязычном речевом потоке – один из важных компонентов его облика, по своему гармоничного (см. [Васильев, 2019, с. 37–90]). В целом он характеризуется снижением количества активно используемых лексических единиц в повседневном разговорном общении. Этот процесс дополняется нарастанием использования пиктограмм в электронной и иной переписке. Памятуя о неразрывном взаимодействии языка и мышления, следует считать совокупность подобных феноменов весьма симптоматичной: она сигнализирует об оскудении когнитивных потенциалов членов языковой общности.

Данному процессу очевидно способствуют некоторые факторы. В частности, естественное стремление повысить коммуникативную эффективность высказываний путем передачи максимума содержания при минимуме употребляемых языковых единиц, что особенно проявляется при интенсификации и ускорении речевого общения, в том числе бытового, менее подверженного упорядочению, нежели, например, профессиональное. Отсюда – и эксплуатация местоимений как идеальных гиперонимов, позволяющих адресанту освободить себя от затруднительных поисков точных именованных признаков, подлежащих вербальной квалификации, то есть обременительного напряжения мысли.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
2. Васильев А. Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
3. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. М., 1952. Т. 2. С. 31–152.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. Т. 1. 383 с.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 7–706.
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Новосибирск, 1957. 656 с.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
8. Лесков Н. С. Однодум // Лесков Н. С. Рассказы. М., 1981. С. 187–217.
9. Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38–39). С. 13–19.
10. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 529.
11. Пушкин А. С. Она // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 1. 482 с.

12. Пушкин А. С. Ты и вы // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 3. 497 с.
13. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
14. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. 336 с.
15. Ходасевич В. Перед зеркалом // Библиотека поэта. М., 1989. С. 174–175.
16. Чехов А. П. Скучная история // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 6. С. 266–327.
17. Чехов А. П. Ты и вы // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 4. С. 346–351.
18. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77–100.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-32>

REALIZATION OF SPECIFIC ROLE OF PRONOUNS IN TEXT AND DISCOURSE

A. D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

What do I mean? I happen different!

A. A. Milne

Abstract

Language performance of its communicative function, which is generally regarded as paramount, is possible primarily through the use of words with nominative potentials. It is known, however, that these potencies are implemented quite variably – depending on the partial affiliation of the lexeme.

In this aspect, pronouns are very interesting. Their lexical values are somewhat similar to zero endings: formally absent, but implicitly implied. The semantics of the pronoun can be embodied due to the presence of its closest verbal environment, that is, in the context of the statement, which in the situation of direct oral communication is also formed with the participation of non-verbal actions of the addressee.

The purpose of the article is to illustrate the specificity of pronouns as a special part of speech and their ability to acquire a convention-defined lexical meaning in different forms of communicative acts.

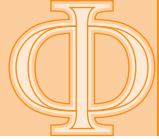
Research. We analyze the use of pronouns of two different sources: the first group includes literary and artistic texts, where pronouns serve as a special kind of manifesto of author's intentions; the second group consists of fragments of modern Russian-language discourse, in which the proportion of pronouns is extremely high.

Conclusion: the increase in the relative weight of pronouns in today's Russian-language speech flow is one of the important features characterized by a decrease in the number of actively used lexical units in everyday conversational communication. This process is complemented by an increase in the use of pictograms in electronic and other correspondence. The totality of such phenomena signals the impoverishment of the cognitive potentials of members of the linguistic community.

Keywords: *pronoun, nominative function, context, potential lexical meaning, communicative act, expressions of communicants' intentions, text and discourse.*

Bibliograficheskij spisok

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. M., 1974. 447 s.
2. Vasil'ev A. D. *Prevrashcheniya slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie process* [Word transformations. Modern lexical and semantic processes]. Krasnoyarsk, 2019. 316 s.
3. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba* // Gogol' N.V. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1952. T. 2. S. 31–152.
4. Dal' V. I. *Posloviy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]: v 2 t. M., 1984. T. 1. 383 s.
5. Dostoevskij F. M. *Besy* // Dostoevskij F. M. *Sobr. soch.:* v 10 t. M., 1957. T. 7. S. 7–706.
6. Il'f I., Petrov E. *Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok* [Welve chairs. Golden calf]. Novosibirsk, 1957. 656 s.
7. Kolesov V. V. *Yazyk i mental'nost'* [The language and mentality]. SPb., 2004. 240 s.
8. Leskov N. S. *Odnodum* // Leskov N. S. *Rassказы.* M., 1981. S. 187–217.
9. Murasheva O. P. *Semantika i funktsii mestoimennii v poeticheskom tekste* // *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Semantics and functions of pronouns in a poetic text]. 2004. № 1–2 (38–39). S. 13–19.

10. Pushkin A. S. Evgenij Onegin // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. 5. S. 5–164.
11. Pushkin A. S. Ona // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1977. T. 1. S. 236.
12. Pushkin A. S. Ty i vy // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1977. T. 3. S. 58.
13. Seliverstova O. N. Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]. M.: Nauka. 1988. 151 s.
14. Filin F. P. Oчерki po teorii yazykoznanija [Essays on the theory of linguistics]. M., 1982. 336 s.
15. Hodasevich V. Pered zerkalom // Biblioteka poeta. M., 1989. S. 174–175.
16. Chekhov A. P. Skuchnaya istoriya // Chekhov A. P. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1955. T. 6. S. 266–327.
17. Chekhov A. P. Ty i vy // Chekhov A. P. Sobr. soch.: v 12 t. M., 1955. T. 4. S. 346–351.
18. Shcherba L. V. O chastyah rechi v russkom yazyke // Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. M., 1974. S. 77–100.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Post-Doctoral degree in Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-33>

УДК 81'272

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОВЕЙШИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В. В. Ингул (Красноярск, Россия)

Аннотация

В современный русский язык активно проникает иноязычная лексика, преимущественно англо-американского происхождения. Каналами внедрения англицизмов выступают средства массовой информации и Интернет.

В статье рассматривается функционирование ряда новейших лексических заимствований в публичных выступлениях российских политиков. Проводится исследование целесообразности употребления вероятных агнонимов и возможности их осмысления аудиторией. Предпринимается попытка установления возможных интенций ораторов.

Цель статьи – диагностирование агнонимов среди новейших лексических заимствований в политических текстах и способы их семантизации.

Методология. В данной работе использовались общенаучные методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, а также эмпирические методы – опрос, анкетирование.

Ключевые слова: агнонимы, англицизмы, заимствованная лексика, медиатекст, политический дискурс, коммуникативные неудачи.

Постановка проблемы. Ввиду большого количества новейших англицизмов в русском языке, данные лексемы не успевают гармонично интегрироваться в языковое сознание его носителей. Ряд таких заимствований никак не осваивается, порождая либо ошибочное, либо полное отсутствие понимания. Подобные лексические единицы именуется агнонимами: «Агнонимы [от др.-греч. ἀ – не, γνώσις – знание и ὄνομα, ὄνυμα – имя] – лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям» [Морковкина, 1993, с. 6].

Широкое распространение агнонимов наблюдается в медийном и политическом дискурсах. Подобные тексты могут содержать не осмысляемую рядовым носителем языка специальную терминологию. Степень распространения такого рода лексики достаточно велика, поэтому журналисты, радиотелеведущие, политики с точки зрения внедрения агнонимов представляют для аудитории зону особого коммуникативного риска. Агнонимы и сленговые конструкции в бытовой речи не столь очевидны, как их аналоги в медиадискурсе, однако представляют собой не меньшую опасность: «Агнонимы в речи обычных носителей языка не столь заметны, как в речи политических деятелей, чиновни-

ков, журналистов и всех тех, чье слово действительно „публично”, и их сложнее фиксировать, однако немалая часть разного рода коммуникативных сбоев, неудач и даже конфликтов происходит именно в повседневном (не обязательно бытовом) общении» [Мандрикова, 2011, с. 233]. Аудитория имеет свойство привыкать к систематической неясности услышанного, как следствие, возникают коммуникативные неудачи. Логично, что еще в девяностые годы подобные лексемы отторгались языковым сознанием: «Следует заметить, что в конце 90-х годов чрезмерное употребление англицизмов в рекламе и в СМИ вызывает явно негативную реакцию у большей части русскоязычного населения, поэтому создание позитивной коннотации при помощи англицизмов – спорный вопрос в настоящее время» [Дьяков, 2003, с. 39].

В современном языковом сознании весьма широко распространены неверные толкования англицизмов. Во многих случаях агнонимичность языковой единицы вовсе не является заметной для говорящего. Это четко видно в момент оперирования словами, значения которых он понимает весьма поверхностно, не вникая в их семантику. Такие случаи употребления можно назвать «частичной агнонимией», которая создает иллюзию понятности.

Одним из основных источников ошибочного применения англицизмов являются СМИ. Объективно невысокая речевая культура многих журналистов [см. Васильев, 2003, с. 28–33] порождает употребление агнонимов в медийном пространстве. Существенные нарушения связаны с незнанием истинного значения употребляемого слова: «Следует отметить, что агнонимы не являются абсолютной константной характеристикой лексикона личности: чтение книг, обращение к словарям и справочникам, углубление в сферу профессиональной деятельности или сферу личных интересов обогащает словарный запас и, следовательно, уменьшает количество агнонимической лексики в языковом сознании личности» [Савина, 2014, с. 293].

Вербальная форма политических выступлений должна быть адаптирована и понятна всем многочисленным слушателям [см. Васильев, 2018]. Однако данный процесс сопровождается частичной или полной агнонимией отдельных англицизмов.

Немаловажным в данном случае оказывается и то, из какого источника носитель языка получает информацию о значении и употреблении языковой единицы. Населению необходимо свободно ориентироваться в современной коммуникации, избегая ситуаций коммуникативных неудач, и обращаться в случае коммуникативных затруднений к известной ему авторитетной справочной литературе: «Метаязыковый комментарий выполняет функцию языкового контроля в зоне агнонимов, а именно помогает: пояснить адресату значения агнонимов, дать другие лингвистические или энциклопедические комментарии к обозначаемым ими реалиям, осмыслить выбор таких слов с учетом языкового сознания массового читателя как усредненного носителя языка» [Котцова, 2019, с. 84].

Многие лингвисты полагают, что немотивированное использование иноязычной лексики затрудняет доступность речевых актов. Данная точка зрения активно звучит и с позиции лингвоэкологии: «Еще одним явно негативным процессом, на который обращают особое внимание лингвоэкологи, является бесконтрольный поток иноязычных вкраплений и заимствований, в основном американизмов, которые потеснили в последнее время исконно русские или прочно осевшие в нашем языке слова» [Фомина, Потанина, 2019, с. 195]. Очевидно, что в бытовом аспекте данные тенденции уже прочно укоренились. Описанный далее эксперимент демонстрирует естественное функционирование агнонимов в социокультурном аспекте.

Нами были проведены исследования текстов выступлений, в которых был выявлен ряд агнонимов. Мы произвели анализ их распознавания, сопоставив словарные значения с данными анкетирования (где данные слова были выстроены по шкале от абсолютного незнания их семантики респондентами до уверенного знания и понимания в контексте). В статье приведено 3 наиболее характерных типа агнонимии.

Было опрошено 100 человек, где 1 человек является 1 % из числа всех реципиентов, которые были разделены по следующим критериям.

1. Возрастная группа 16–25 лет – 30 человек.
2. Возрастная группа 25–40 лет – 25 человек.
3. Возрастная группа 40–50 лет – 10 человек.
4. Возрастная группа 50 лет и старше – 20 человек.
5. Группа лиц, свободно общающихся на английском языке – 15 человек (до 40 лет).

В анкетировании были задействованы лица, проживающие на территории Красноярского края, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирской области, Иркутской области, Республики Бурятия. Данная возможность была реализована посредством социальных сетей. 60 % опрошенных имеют высшее или незаконченное высшее образование, примерно столько же реципиентов имеют базовые знания английского языка.

Сравнительно-сопоставительный анализ произведен с привлечением англо-русских словарей, словарей синонимов, словарей специальных терминов.

На основе данных анкетирования степень агнонимии рассчитывалась по следующим критериям:

- никогда не слышали;
- правильная формулировка;
- правильно установлена область значения;
- слышали ранее, без формулировки;
- ошибочное значение;
- общая степень агнонимии (суммарный процент агнонимии, не включает в себя правильно установленную область значения).

Нами были проанализированы около 50 агнонимов. Рассмотрим наиболее характерные примеры.

1. Драйвер

Данное слово явилось одним из самых характерных и популярных заимствований в российской политической среде. Большой англо-русский и русско-английский словарь представляет слово как многозначное: «Driver: 1) погонщик скота, гуртовщик, 2) кучер, 3) машинист, вагоновожатый, 4) шофер, водитель, 5) надсмотрщик (в частности, за рабами), 6) бригадир, 7) тяговая лошадь, 8) филос. перводвигатель (у Аристотеля, Фомы Аквинского), 9) клюшка для гольфа, 10) приспособление, направляющее что-л., 11) мачта, 12) ведущее колесо, 13) рыжий муравей, 14) рыбацкая лодка, 15) комп. драйвер, 16) парусный дрифтер» (Большой англо-русский и русско-английский словарь, 2001).

Функционирование термина в среде политических текстов весьма неоднозначно. Согласно анкетированию, данный термин чаще встречается в компьютерной среде и обозначает программное обеспечение. Реже фиксируются формулировки, связанные с автомобилем и вождением. До недавнего времени это являлось основой семантического поля данного слова. Однако границы функционирования этого заимствования существенно расширились. Анкетирование показало весьма неоднозначные результаты. В возрастной группе 16–25 лет затруднились с формулировкой 35 % опрошенных. В то же время были даны определения, с учетом перевода вполне подходящие. Все они укладывались в два вышеперечисленных примера. Закономерно возникли ошибочные толкования: «ведущее звено», «гонщик», «любитель экстрима», «человек, увлекающийся интересными видами спорта», «получающий адреналин», «обновление», «видеокарта», «Uber (название сети такси) драйвер». В большинстве примеров толкований сегмента респондентов 25–40 лет встречается логичная формулировка – «водитель», «компьютерная программа». Похожая ситуация зафиксирована в группе респондентов 40–50 лет, наряду с повышением числа не знающих слово. Нехарактерные формулировки имеются в возрастном сегменте респондентов от 50 лет. 50 % данной группы определяют значение слова как «аквалангист». Вероятно, такая инерция возникла ввиду созвучности со словом *дайвер*: «diver – водолаз; ныряльщик; искатель жемчуга, губок» (Мюллер, 2013, с. 270). Если сопоставить данные реакции, а также словарные толкования слова с фактическими примерами употребления, то имеет место очевидный коммуникативный диссонанс. Согласно анкетированию, точно определить значение данного слова в контексте может 0 % опрошенных.

Рассмотрим примеры: «*Драйвер* роста – рынок мяса: только в первом полугодии свино- и птицеводство прибавили 8–12 %», – рассказывал Д. А. Медведев «Первому каналу» (Медведев, 2010). Очевидно, что словарные толкования, а также осмысление данного термина, различаются с вероятной интенцией говорящего. Рассмотрим аналогичные примеры: «А также под руководством господина Путина нам удалось наконец осознать, что великие технологии, великие

компании, *великие драйверы бизнеса*, которые продвигают вперед прямые инвестиции, обладают несомненной ценностью, в частности, в такой сфере, как СПГ» (Халид аль-Фалех, 2018). – «До 15 августа мы должны подготовить вместе с федеральными коллегами проект распоряжения Правительства. То есть мы считаем, что проект зазвучит, и, действительно, он может стать основным *драйвером* того, что мы называем восточным вектором» (Усс, 2018) (приводим лишь единичные выдержки из политических выступлений).

Из данных анкетирования видно, что слово присутствует в языковом сознании наряду с корректностью его формулировок. Стоит отметить, что данный термин получил активное распространение на всей территории РФ. Создается неоднозначность вывода. Правильно идентифицируемый (согласно переводу) русским языковым сознанием термин вызывает степень полной агнонии. Это сопровождается активным функционированием слова в политической среде, без учета канонических словарных толкований. Ниже приведены результаты анкетирования слова *драйвер*.

Данные анкетирования	
Никогда не слышали	8 %
Слышал ранее, без формулировки	9 %
Ошибочное значение	20 %
Правильная формулировка (относительно словарного перевода)	63 %
Правильно установлена область значения	0 %
Общая степень агнонии	100 %*

* Полная агнония среди реципиентов обусловлена тем, что вкладываемый выступающими смысл не является верным относительно словарного перевода.

2. Кластер

Среди правильных толкований данного слова являются: «Cluster – кисть, пучок, гроздь; 2. группа; 3. рой (пчел); 4. скопление, концентрация» (Мюллер, 2013, с. 175). Как и в случае со словом *драйвер*, исконное значение термина повсеместно искажается. Лексическое заимствование начинает функционировать по своим законам, не связанным с исконным значением слова: «В отрасли должен быть применен так называемый *кластерный подход*, который уже используется для ряда других секторов экономики. Задача этих *кластеров* – переход на инновационное развитие. В том числе он должен сопровождаться новыми формами управления» (Медведев, 2008). «Формирование *промышленных кластеров* в Ивановской, Вологодской, Костромской, Ярославской областях должно обеспечить текстильное производство современной инженерно-технической, транспортной и социальной инфраструктурой и, соответственно, позволить выпускать совершенно другие виды продукции» (Медведев, 2008).

В сегменте лиц 16–25 в подавляющем случае возникает непонимание самой сути значения. Производятся попытки толкования, однако все они далеки

от реального значения: «схема», «данные в таблице», «форма обучения», «фиксация информации», «занятия по педагогике», «строительство кластера». В сегменте 25–40 лет подавляющее число реципиентов дают ошибочные формулировки: «кусочек под развитие», «бухгалтер», «схема с опорными тезисами». Прослеживается тенденция связанных между собой формулировок второго типа: «сектор», «ячейка памяти», «сегмент», «слой». Данное определение не является правильным, однако получило широкое распространение в бытовом сознании россиян. Такая семантика связана с начинающейся в то время компьютеризацией. Слово *кластер*, подобно слову *драйвер*, укоренилось в языковом сознании как термин компьютерных технологий, обозначающий ячейку памяти в запоминающих устройствах ПК. Примечательно, что в старших возрастных сегментах, наряду с отсутствием формулировок, начинают встречаться правильные толкования слова, такие как: «объединение чего-либо», «скопление». Подобная статистика прослеживается в сегменте свободно владеющих английским языком. Встречаются правильные толкования и примеры функционирования в речи: «На Петра Петровича свалился сразу кластер однородных задач». Несмотря на правильную формулировку, выявляется полная агнонимия по данному термину. Им обусловлено расхождение заложенного смысла и его интерпретации в языковом сознании реципиентов.

Данные анкетирования	
Никогда не слышали	50 %
Слышал ранее, без формулировки	10 %
Ошибочное значение	18 %
Правильная формулировка (относительно словарного перевода)	22 %
Правильно установлена область значения	0 %
Общая степень агнонимии	100 %*

* Полная агнонимия среди реципиентов обусловлена тем, что вкладываемый выступающими смысл не является верным относительно словарного перевода.

3. Эндаумент

Данное слово вызвало наибольший процент агнонимии среди реципиентов: «Endowment – 1. вклад, дар, пожертвование; 2. дарование; mental ~s умственные способности» (Мюллер, 2013, с. 301). Из 100 опрошенных человек только 1 % (один реципиент) смог с уверенностью правильно его истолковать. Еще один реципиент предположил связь данного слова с финансовой терминологией, что является верным. Остальные 98 человек разных возрастов и социальных групп встретили данный термин впервые. 6 человек выразили уверенность, что данное слово ими встречалось, но никакой приблизительной формулировки за этим не последовало.

Полученные данные позволяют установить, что слово является практически полным агнонимом в языковом сознании носителей русского языка.

Стоит отметить, что в нижеперечисленных примерах данный термин употребляется вполне корректно, однако это не дает возможности избежать коммуникативных неудач. Ниже даны примеры употребления слова в контексте политических выступлений и данные анкетирования: «Среди выпускников МГУ много людей заметных и влиятельных во всех смыслах этого слова, которые могут помочь с формированием *эндаумента* и помочь развитию университета в самом широком смысле слова» (Путин, 2013).

«Поэтому возникла идея, она должна была давно возникнуть – создать этот „Сириус“. На мой взгляд, он развивается очень успешно, и постепенно *эндаумент* мы нарастим» (Путин, 2016).

Данные анкетирования	
Никогда не слышали	92 %
Слышал ранее, без формулировки	6 %
Ошибочное значение	0 %
Правильная формулировка (относительно словарного перевода)	1 %
Правильно установлена область значения	1 %
Общая степень агнонимии	98 %

В результате анализа политических текстов с агнонимами нам удалось установить, что рассмотренные заимствования лишь частично осмысляются аудиторией. Это очевидно порождает ряд коммуникативных неудач. Среди возможных причин употребления в речи агнонимов можно выделить следующие.

1. Модные мировые тенденции на англицизмы.
2. Попытка завуалировать истинное содержание высказывания.

Заключение. Таким образом, вопрос об искаженном восприятии заимствованной лексики остается актуальным. Выступающим необходимо иметь в виду современные реалии языкового сознания аудитории при создании своих текстов.

Учитывая адекватность / неадекватность восприятия текстов с заимствованиями аудиторией, имеет смысл следовать лексико-семантической норме в качестве основы суммарной информации о слове. Последовательное применение этой нормы к текстам публичных выступлений можно считать основным способом устранения агнонимических ошибок в общественно-резонансных речевых актах.

Список источников и словарей

1. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/536556 (дата обращения: 17.02.2020).
2. Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О модернизации текстильной отрасли и мерах по повышению уровня жизни и социальной защищенности ее работников» 20.06. 2008. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/484> (дата обращения: 17.02.2020).
3. Медведев Д. А. Зерно – наша вторая нефть // Агроинвестор. 02.02.2010. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/11467-dmitriy-medvedev> (дата обращения: 17.02.2020).

4. Медведев Д. А. Ключевая задача – качественная модернизация текстильной отрасли 20.06.2008. URL: <http://special.kremlin.ru/events/state-council/487> (дата обращения: 17.02.2020).
5. Мюллер В. К. Полный англо-русский, русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.
6. Путин В. В. Встреча с победителями всероссийского конкурса Учитель года России – 2016. 05.10.16. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/53031> (дата обращения: 17.02.2020).
7. Путин В. В. Заседание попечительского совета МГУ 03.12.13. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19779> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Усс А.С. Встреча с врио губернатора Красноярского края Александром Уссом 30.06.2018. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/regions/КРА/events/58150> (дата обращения: 17.02.2020).
9. Халид аль-Фалех Международный форум «Российская энергетическая неделя» 03.10.2018. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/58701> (дата обращения: 17.02.2020).

Библиографический список

1. Васильев А. Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. 144 с.
2. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
3. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Нск., 2003. С. 35–43.
4. Котцова Е. Е. Агнони́мы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 82–90.
5. Мандрикова Г. М. Агнони́мия как коммуникативная проблема // Вестник ЧГПУ. 2011. № 4. С. 236–245.
6. Морковкина А. В. Русские агнони́мы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.
7. Савина Е. О. Агнони́мы в языке и в тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 291–295.
8. Фомина О. А., Потанина О. Ю. Языковые «Недуги» и Эколингвистика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12, вып. 4. С. 193–196.

Сведения об авторе

Ингул Виктор Васильевич – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный университет им. В. П. Астафьева; e-mail: takmak@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-33>

FUNCTIONING OF THE LATEST LEXICAL BORROWINGS IN RUSSIAN LANGUAGE POLITICAL TEXTS

V. V. Ingul (Красноярск, Россия)

Abstract

Foreign language, mainly of American-English origin, actively penetrates into the modern Russian language. The channels of introduction of Englishisms are the media.

The article discusses the functioning of a number of the latest lexical borrowings in public speeches of some Russian politicians. A study is being made of the appropriateness of using probable agnomyms and the possibility of their understanding by the audience. An attempt is being made to identify possible speaker intentions.

The purpose of the article is to identify and classify agnomyms among the latest lexical borrowings in political texts.

Keywords: *agnomyms, Englishisms, borrowed vocabulary, media text, political discourse, communicative failures.*

Spisok istochnikov i slovarej

1. Bol'shoj anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' [Large English-Russian and Russian-English dictionary]. 2001 [Elektronnyj resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/536556 (data obrashcheniya: 17.02.2020).
2. Medvedev D. A. Vstupitel'noe slovo na zasedanii prezidiuma Gosudarstvennogo soveta „O modernizacii tekstil'noj otrasli i merah po povysheniyu urovnya zhizni i social'noj zashchishchyonosti eyo rabotnikov” 20.06. 2008 [Opening address at the meeting of the Presidium of the State Council „On the modernization of the textile industry and measures to improve the standard of living and social protection of its workers” 06/20/2008]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/484> (data obrashcheniya: 17.02.2020).
3. Medvedev D. A. Zerno – nasha vtoraya neft [Grain is our second oil.]. // Agroinvestor 02.02.2010. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/11467-dmitriy-medvedev> (data obrashcheniya: 17.02.2020).
4. Medvedev D. A. Klyuchevaya zadacha – kachestvennaya modernizaciya tekstil'noj otrasli 20.06.2008 [The key objective is the quality modernization of the textile industry 06/20/2008]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/state-council/487> (data obrashcheniya: 17.02.2020).
5. Myuller V. K. Polnyj anglo-russkij russko-anglijskij slovar'. 300 000 slov i vyrazhenij [Complete English-Russian Russian-English dictionary. 300,000 words and phrases] M.: Eksmo, 2013. 1328 s.
6. Putin V. V. Vstrecha s pobeditelyami vserossijskogo konkursa Uchitel' goda Rossii – 2016 05.10.16 [Speech with the winners of the All-Russian contest Teacher of the Year of Russia – 2016 10/05/16]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/53031> (data obrashcheniya: 17.02.2020).
7. Putin V. V. Zasedanie popechitel'skogo soveta MGU 03.12.13 [The meeting of the Board of Trustees of Moscow State University 12/03/13]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19779> (data obrashcheniya: 17.02.2020).
8. Uss A. S. Vstrecha s vrio gubernatora Krasnoyarskogo kraja Aleksandrom Ussom 30.06.2018 [Meeting with Acting Governor of the Krasnoyarsk Territory Alexander Uss 06/30./2018]. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/regions/KYA/events/58150> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

9. Halid al'-Falekh Mezhdunarodnyj forum „Rossijskaya energeticheskaya nedelya” 03.10.2018 [International Forum “Russian Energy Week” 10/03/2018]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/58701> (data obrashcheniya: 17.02.2020)

Bibliograficheskiy spisok

1. Vasil'ev A. D. Ocherki politicheskoy lingvistiki [Essays in Official Linguistics]. M., 2018. 144 s.
2. Vasil'ev A. D. Slovo v rossijskom teleefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya [The word in the Russian television. Essays on the Latest Usage]. M., 2003. 224 s.
3. D'yakov A. I. Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke [The reasons for the intensive borrowing of English in modern Russian] // Yazyk i kul'tura. Nsk., 2003. S. 35–43.
4. Kotcova E. E. Agnonimy kak ob'ekt yazykovoj refleksii v tekstah sovremennoj periodiki [Agnonyms as an object of linguistic reflection in texts of modern periodicals] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki, 2019. № 4. S. 82–90.
5. Mandrikova G. M. Agnonimiya kak kommunikativnaya problema [Agnonymy as a communicative problem] // Vestnik CHGPU. 2011. № 4. S. 236–245.
6. Morkovkina A. V. Russkie agnonimy v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: avtoref. dis. kand. filol. nauk A. V. Morkovkina [Russian agnonyms in theoretical and applied consideration: author. dis. ... cand. filol. Sciences]. M., 1993. 19 s.
7. Savina E. O. Agnonimy v yazyke i v tekste [Agnonyms in the language and in the text] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2014. № 2. S. 291–295.
8. Fomina O. A., Potanina O. YU. Yazykovye „Nedugi” i Ekolingvistika [Language „Ailments” and Ecolinguistics] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2019. T. 12, vyp. 4. C. 193–196.

About the author

Ingul Viktor Vasilievich – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: takmak@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-34>

УДК 81'42

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)

А. А. Курделяс (Красноярск, Россия)

Аннотация

Цель статьи – исследование интенционального горизонта в процессе эвфемизации публичной речи путем лингвистического анализа русскоязычных и англоязычных заголовков печатных СМИ.

Исследования Б. А. Ларина, А. М. Кацева, А. Д. Васильева рассматривают особенности использования эвфемизмов в публичной речи. Материалом для анализа послужили заголовки статей, опубликованных в современных русскоязычных и англоязычных газетах, таких как «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Российская газета», «The Guardian», «The Workers' Vanguard», «The Telegraph», «The Washington Post» за 2012–2019 годы.

В результате исследования выявлены основные особенности использования эвфемизмов в современных печатных СМИ, выделена приоритетная тема, которая чаще всего подвергается эвфемизации и диктует появление новых антифразисных выражений, указан наиболее употребительный способ образования эвфемизма. Также приводятся результаты количественного анализа по преобладанию использованных вероятных интенций. В заключение выдвигается утверждение, что интенсивное употребление единиц-эвфемизмов в печатных СМИ приводит к их популяризации и проникновению в широкое употребление, а следовательно, к изменениям активного словарного запаса носителей языка и к вероятной корректировке общественного мнения.

Указывается, что количество и частотность эвфемизмов напрямую связаны с уровнем культуры социума, а также с активным функционированием лексики в определенном языке в определенный период.

Ключевые слова: эвфемизмы, СМИ, политическая лингвистика, интенция, политкорректность, интерпретация, заголовки, манипуляция, антифразис, двойные стандарты.

Постановка проблемы. Речь СМИ оказывается весьма интересной для исследования в сугубо лингвистическом отношении. Она может служить примером актов повседневной устной словесности, обычных для языкового коллектива (особенно когда наблюдатель имеет дело со спонтанными высказываниями телеперсонажей), а также иллюстрирует сложные процессы формирования узуса, поскольку в сознании аудитории по-прежнему присутствуют внушавшиеся десятилетиями представления о СМИ как рупоре и неременном атрибуте высшей государственной власти, никогда не ошибающейся, обладающей истиной в последней инстанции. Поэтому и словоупотребление в СМИ зачастую еще воспринимается в качестве авторитетной нормы [Васильев, 2003, с. 5]. В роли компонентов дискурсивного «украшения» в речи СМИ широко применяются эвфемизмы: «слова-амебы» (С. Г. Кара-Мурза), «симулякры»

(Л. Н. Синельникова), «слова-мифогены» (А. Д. Васильев). Явление эвфемизации речи рассматривается как одно из средств манипулирования сознанием адресата речи в исследованиях таких отечественных и зарубежных ученых, как А. Д. Васильев, А. М. Кацев, Б. А. Ларин, А. J. Enright, J. S. Neaman, F. N. Scott.

Исследования явления эвфемизации речи в современной лингвистике описывают закономерности функционирования эвфемистических наименований и раскрывают их социокультурные особенности.

Современная лингвистика постоянно нуждается в привлечении новых материалов для исследования, поскольку динамичные изменения социокультурного фона влияют на речекommunikативную ситуацию. Поэтому активное функционирование политкорректной лексики за последние десятилетия повлекло за собой частотное использование эвфемизмов. Рассмотрим семантизацию понятия в трудах отечественных и зарубежных ученых. «Эвфемизация – одна из распространенных разновидностей игры в слова, активно применяемая в том числе и в текстах СМИ» [Васильев, 2010, с. 151]. «Эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев, 1979, с. 199]. Рассматриваемое толкование определяется как способ, маскирующий обозначения неприятных явлений. Б. А. Ларин относит эвфемизмы к разновидности вербальной магии [Ларин, 1977, с. 102]. Н. А. Rawson утверждает, что эвфемизм обозначает слова, использующиеся вместо болезненных и обидчивых выражений [Rawson, 2002, p. 1]. В Кембриджском международном словаре английского языка термин «эвфемизм» определяется следующим образом: «Применение слова или фразы использующейся, чтобы избежать упоминания другого слова или фразы, которые более сильные и честные, но более неприятные и оскорбительные» [Cambridge International Dictionary of English, 2001, p. 8].

Обычно выделяются следующие цели эвфемизации речи.

- Стремление избежать коммуникативных неудач, которые приводят собеседника к дискомфорту.
- Вуалирование, маскировка существа дела по причине боязни огласки антигуманной деятельности.
- Стремление скрыть смысл во избежание напряженности и конфликтности сторон.

Основные сферы применения эвфемизмов – политическая, общественная, экономическая деятельность. Следует заметить, что для статей, посвященных политическим темам, эвфемизация оказывается довольно распространенным и эффективным средством реализации феномена политкорректности. Она представляет собой формальное средство, используемое для избежания конфликтов в поликультурном обществе путем установления специальных норм речевого этикета, табуирования ряда слов и выражений. При исследовании эвфемизации

речи важно понимать, что семантические параметры лексической замены зависят от интенционального горизонта. Следует отметить, что задача интерпретации эвфемизмов имеет свои особенности, поскольку адресант не предупреждает аудиторию о том, что он «эвфемизирует». В письменной речи эвфемизмы могут сопровождать выражения или кавычки, маскирующие коммуникативное намерение говорящего, позволяющие ему выдать свои слова за чужие, чтобы снять с себя ответственность.

Цель работы – исследование вероятных интенций в процессе эвфемизации публичной речи путем лингвистического анализа русскоязычных и англоязычных заголовков печатных СМИ.

Материалом исследования послужили заголовки информационно-аналитических статей, опубликованных в современных русскоязычных и англоязычных газетах, таких как «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсантъ», «The Guardian», «The Workers' Vanguard», «The Telegraph» за 2012–2019 годы, где публикуется информация, посвященная актуальным проблемам общественной, политической и культурной жизни в России, Англии и США.

Методы. Исследовательская работа предполагает использование следующих методов: анализ научной литературы для теоретического обоснования концепции работы, описательный метод, метод лексикографического анализа, подразумевающий отбор специализированных словарей эвфемизмов и рассмотрение их словарных статей, метод отбора лексического материала, основанного на сборе лингвистических данных на уровне словосочетаний и предложений, рассматриваемых на материалах печатных заголовков СМИ, метод структурно-семантического анализа лексических единиц и анализ эвфемистических стратегий, подразумевающий объяснение вероятных интенций и роли эвфемизмов в коммуникации, метод культурологической интерпретации единиц и сравнительно-сопоставительный метод рассматриваемых интенций на уровне двух языков.

Результаты исследования. С целью исследования интенциональности эвфемизации речи как лексического явления был проведен лингвистический анализ заголовков русскоязычных и англоязычных текстов печатных СМИ. Приведем наиболее частотные примеры эвфемизмов в заголовках российских СМИ, позволяющих объяснить интенции процесса эвфемизации речи.

Джихад – агрессия и ненависть. Заголовок «Туристический джихад» (kommersant.ru. 2013. № 567400) содержит эвфемизм **джихад** – это одно из многочисленных слов, которое, потеряв свой первоначальный смысл, стало использоваться в деле манипуляции общественным мнением и информационной войне. Слово «джихад» обозначало борьбу против недостатков, в первую очередь против собственных грехов и слабостей. Сегодня же джихадом называют лишь агрессию, порожденную стремлением к власти, ненавистью ко всему миру и стремлением уничтожить ислам, дискредитировав его как учение и сведя с ума его последователей. Исполнители джихада считают великим делом убийство мирных

жителей, а одной из форм джихада является война. Более точно слово «джихад» означает законное, насильственное, совместное усилие увеличить размеры территорий, управляемых мусульманами, за счет территорий, управляемых не мусульманами. Другими словами, целью джихада является не столько распространение исламской веры, сколько расширение сферы влияния суверенной мусульманской власти [Белояр, 2007, с. 68]. Таким образом, употребление малоизвестного аудитории религиозного слова **джихад** используется вместо слов **агрессия** и **ненависть**, чтобы избежать паники со стороны аудитории и религиозных конфликтов, которые могут только усугубить ситуацию.

Гуманитарная миссия – открытое вмешательство. В заголовке «Красный Крест: С Москвой и Киевом обсуждена гуманитарная миссия на Украине» (vedomosti.ru. 2014. № 17846649) использован эвфемизм **гуманитарная миссия**, относящийся к военно-политической тематике. «Гуманитарная миссия – эвфемизм, скрывающий открытое вмешательство сторонних стран или военных блоков в дела суверенного государства. Вмешательство производится с целью проведения политики агрессоров в целевом государстве. Однако истинные цели неприкрытой агрессии скрываются за громкими словами о соблюдении прав человека, недопущении межнациональных конфликтов, восстановлении порядка после „гуманитарной катастрофы“» [Белояр, 2007, с. 53]. Словосочетание с нейтральным эмоциональным эффектом *гуманитарная миссия* использовано вместо слова **вмешательство** с целью стремления скрыть смысл истинного значения слова во избежание напряженности и конфликтности сторон.

Рассмотрим ту же самую интенцию в заголовках зарубежных СМИ.

Covert operations – intervention. Словосочетание *covert operations* – **тайные операции** является эвфемистической заменой и относится к тематике, описывающей военные действия и их последствия. Словосочетание использовано по принципу развертывания, где одно слово заменяется словосочетанием, в данном случае было заменено слово **вторжение**. «Тайная операция – вторжение, воровство, убийство или свержение правительства» (пер.с англ.) [Rawson, 2002, p. 64]. Цель использования эвфемизма – смягчение значения слова по причине боязни огласки истинной военной деятельности на территории Ирана, которое помогает избежать психологического напряжения со стороны аудитории.

Проанализируем заголовки, содержащие эвфемизацию с интенцией: сокрытие информации об антигуманной, незаконной деятельности. **Collateral damage – dead victims.** «Given the wide distribution of potential nuclear sites, far beyond the well-known ones at Isfahan and Natanz, it's almost certain there would be collateral damage» (telegraph.co.uk 2015) – «Учитывая широкое распространение потенциальных ядерных объектов, далеко за пределами известных в Исфахане и Натанзе, почти наверняка будет сопутствующий ущерб». Сопутствующий ущерб – это эвфемизм, характеризующий жертв среди гражданского населения в войне, или, другими словами, массовое убийство людей.

Предпочитая не говорить прямо о гибели невинных людей, СМИ использует данное словосочетание, успешно избегая этой запретной темы и прикрывая самые серьезные политические преступления. Таким образом, в данном случае задействована прикрывающая функция, использованная во избежание огласки серьезных последствий, которые привели к **значительному количеству жертв** после проведения определенных военных действий.

Просчеты инвесторов – злостные нарушения, злоупотребления.

Заголовок «Путин готовится обхаживать зарубежных инвесторов, которые осторожничают после просчетов в прошлом» информирует читателя о том, что «президент Путин задумался о том, чтобы продать иностранцам доли в некоторых ценнейших госактивах, дабы добыть деньги для экономики, которую подкосили обвал цен на нефть и санкции, связанные с Украиной» (kommersant.ru 2016. № 1637712). Существительное **просчеты** относится к наименованию неблагоприятных экономических действий. «Просчеты – вм. злостные нарушения, злоупотребления. Перен. соц. эвф.» [Сеничкина, 2006, с. 361]. Неопределенность значения слова смягчает негативную оценку по отношению к значению лексической единицы, а именно к серьезности последствий злостных нарушений, касаемых экономической деятельности государства. Цель эвфемистической замены – информирование о происходящем по принципу вуалирования существа дела по причине боязни огласки злостных нарушений.

В следующих заголовках содержится интенциональный горизонт, связанный с явлением маскировки существа дел, а именно с преуменьшением действительности происходящего. **Stable growth – slow growth / recession.** Название «UK economy settling into above-trend stable growth» (theguardian.com 2014) – «Экономика Англии регулируется тенденцией стабильного роста». Эвфемистическое словосочетание **stable growth** – стабильный рост – относится к экономической сфере деятельности и используется вместо сочетания «медленный рост» (пер. с англ.) [Rawson, 2002, с. 265]. Языковой способ антифразиса – эквивалентная замена, где количество составляющих лексических единиц остается тем же самым. Эвфемизм является отрицательным, поскольку он преуменьшает реальную действительность экономического положения страны. Употребление происходит с целью камуфлирования негативного явления в жизни государства.

Vulnerable – poor. «Ukraine crisis leaves Estonia feeling vulnerable and isolated again» (theguardian.com 2014) – «Кризис Украины снова оставляет эстонцев чувствовать **уязвимость** и изолированность». Лексическая единица **vulnerable** – уязвимый в данном контексте – относится к сфере политической и экономической жизни общества. Эвфемизм использован вместо прилагательного **бедный**. «Уязвимый – бедный, депрессивный, неадекватный» (пер. с англ.) [Holder, 1995, с. 428]. Антифразис, употребленный по принципу эквивалентной замены, используется с целью преуменьшения реального тяжелого положения страны.

Заключительная рассматриваемая интенция – это манипуляция общественным мнением и индивидуальным сознанием с использованием слов-амеб, слов-мифогенов. **Перлюстрация – тайное вскрытие корреспонденции.** В газете «Ведомости» опубликована статья под названием «Виртуальная перлюстрация», информирующая о том, что «данные 5,7 млн пользователей „Яндекса” и Mail.ru утекли в сеть. Это могла быть спланированная атака, подозревают эксперты. Пользователи обнаружили на одном из форумов более 1 млн паролей от почтовых ящиков „Яндекса”» (Ведомости. 2014. № 1170872). Слово **перлюстрация** является эвфемизмом, который заменяет фразу «тайное вскрытие корреспонденции». «Перлюстрация – **вм. тайное вскрытие и незаконное чтение** пересылаемой по почте корреспонденции в служебных целях» [Сеничкина, 2006, с. 309]. Существительное относится к наименованию преступлений и их последствий. Данный языковой эвфемизм является иноязычным термином, который используется с целью вуалирования сути описанного явления. Употребление научного термина звучит менее знакомо для читателя, тем самым оно звучит менее негативно из-за недостаточной информативности о семантике слова со стороны аудитории.

Выводы. Изучив заголовки информационно-аналитических статей, мы приходим к следующим выводам.

Использование эвфемизмов обусловлено требованиями к выполнению социальных норм, соблюдению политической корректности, а также к соблюдению принципа психологической уместности.

Тема политики в СМИ является очевидно приоритетной и диктует все большее появление и употребление политических эвфемизмов как в английском, так и в русском языке.

Наиболее употребительной интенцией в эвфемизации заголовков печатных СМИ является маскировка семантического компонента. Популярность этого способа объясняется тем, что он позволяет коммуникатору не выдавать за правду явную ложь, а лишь слегка размыть границы самой правды за счет вуалирования истинного значения слова.

Больше всего эвфемистические замены использовались в русскоязычных изданиях с целью маскировки истинного смысла сообщения во избежание огласки чьей-либо негативной деятельности, для привлечения внимания к тексту и исключения последствий, приводящих к психологическому дискомфорту и коммуникативным неудачам. В англоязычной периодике главными целями были вуалирование истинного смысла сообщения для предотвращения чьей-либо незаконной деятельности и основанной на страхе потери репутации; транквилизирующий эффект, предотвращающий появление психологического дискомфорта, и обход последствий, которые могут привести к конфликтам между странами или разными группами населения одной страны, а также соблюдение политической корректности.

Интенсивное употребление единиц-эвфемизмов в печатных СМИ приводит к их популяризации и проникновению в широкое употребление, а следовательно, к изменениям активного словарного запаса носителей языка и к вероятной корректировке общественного мнения.

Библиографический список

1. Белояр А. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов [Электронный ресурс]. URL: www.politike.ru/dictionary/472
2. Васильев А. Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация // Политическая лингвистика. 2010а. № 2. С. 101–108.
3. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150–160.
4. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта-Наука, 2003. 224 с.
5. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1988. 80 с.
6. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.
7. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // История русского языка и общего языкознания. М., 1977. 110 с.
8. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. М.: Изд-во Высшая школа, 2006. 161 с.
9. Шмелев Д. Н. Эвфемизм // Русский язык. М.: Энциклопедия, 1979. 879 с.
10. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2000. 1104 с.
11. Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995. 432 с.
12. New Oxford Thesaurus of English. New York: Oxford University Press Inc, 2000.
13. Rawson H. A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk. New York, 2002. 463 с.

Сведения об авторе

Курделяс Анастасия Андреевна – аспирант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: anastasiya.kurdelyas@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-34>

EUPHEMISATION OF MODERN MEDIA (ON THE EXAMPLE OF NEWSPAPER HEADLINES)

A. A. Kurdelyas (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The aim of the article is to study the intentional horizon in the process of euphemizing public speech by means of a linguistic analysis of Russian and English headlines in print media. Such phenomena are considered in studies by B.A. Larina, A.M. Katseva, and A.D. Vasilyev. They consider the features of the use of euphemisms in public speech. The headings of articles published in modern Russian and English newspapers, such as *Nezavisimaya Gazeta*, *Vedomosti*, *Kommersant*, *Rossiyskaya Gazeta*, *Guardian*, *Workers' Vanguard*, *Telegraph*, *Washington Post* were used as materials for analysis of data for 2012-2019. As a result of the study, the main features of the use of euphemisms in modern print media have been identified, a priority topic has been highlighted, which is most often euphemized and dictates the emergence of new antiphrasis expressions, the most common way of euphemism formation is indicated, and the results of a quantitative analysis on the prevalence of the used probable intentions are presented. In conclusion, it is argued that the intensive use of euphemism units in the print media leads to their popularization and penetration into widespread use, and therefore to changes in the active vocabulary of native speakers and a possible correction of public opinion.

It is indicated that the number and frequency of euphemisms is directly related to the level of culture in a society, as well as to the active functioning of vocabulary in a particular language for a certain period of time. The results of the study can be used in the process of teaching such disciplines as lexicology, political linguistics, journalism, intercultural communication at universities and Russian language lessons in the sections *Lexicology* and *Stylistics* for high school students.

Keywords: *euphemisms, mass media, political linguistics, media linguistics, intentions, political correctness, interpretation, headlines, manipulations, antiphrasis, double speak.*

Bibliographicheskij spisok

1. Beloyar A. Tolkoviy slovar demokraticeskogo novoyaza i evfemizmov. www.politike.ru/dictionary/472 [Beloyar A. Dictionary of democratic newspeak and euphemisms].
2. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001. 1104 s.
3. Holder R. W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995. 432 s.
4. Katsev A. M. Yazikovoe tabu i evfemia: Uchebnoe posobie k speckursu [Katsev A. M. Language taboo and euphemisms]. L., 1988. 80 s.
5. Krysin L. P. Evfemizmy v sovremennoi russkoy rechi // Rusistika. 1994 [Krysin L. P. Euphemisms in a modern Russian speech]. № 1–2. S. 28–49.
6. Larin B. A. Ob Evfemizmah // Istoria russkogo yazika I obshego yazykoznaniya. M., 1977. S. 110 [Larin B.A. About euphemisms].
7. New Oxford Thesaurus of English: New York: Oxford University Press Inc, 2000.
8. Rawson H. A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk: New York, 2002. 463 s.
9. Senichkina E. P. Evphemizmy russkogo yazika. M.: Vyshaya shkola [Senichkina E.P. Euphemisms of the Russian language]. 2006. 161 s.
10. Shmelev D. N. Evphemizm // Russkiy yazik. M.: Encyclopedia [Shmelev D.N. Euphemism]. 1979. 879 s.

11. Vasil'ev A. D. Iгры v slova: manipulyativnaya evphemizaciya // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 101–108 [Vasil'ev A.D. Word games: Euphemistic manipulation].
12. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evphemizaciya kak atribut diskursa SMI // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafieva. 2010. № 1. S. 150–160. [Vasil'ev A. D. Euphemistic manipulation as the tool of mass media discourse].
13. Vasil'ev A. D. Slovo v rossiiskom teleefire. Ocherki noveishego slovoupotrebleniya. M.: Flinta-Science, 2003. 224 s. [Vasil'ev A. D. The word in a television broadcasting. A feature article of a newest word usage].

About the author

Kurdelyas Anastasiya Andreevna – PhD Candidate in the Russian Language (first-year student), Department of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: anastasiya.kurdelyas@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-35>

УДК 81-13

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАТИВНОГО ОПИСАНИЯ СЛОВА-ОБРАЗА

Е. В. Устьянцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Современная лингвистика все больше стремится стать объяснительной, т. е. объясняющей функционирование языка как средства «овнешнения» мышления и доступа к сознанию человека, рассматривая речевую деятельность как специфический когнитивный процесс. Соглашаясь с точкой зрения Е. С. Кубряковой, признающей, что через слово можно выйти «к разнообразным структурам знаний, причем как к вербализованным, так и невербализованным» [Кубрякова, 2004, с. 389], предлагаем в данной статье модель интегративного описания слова-образа с опорой на интегральный подход к значению слова (сторонники концепции – А. И. Смирницкий, Д. П. Горский, Л. Я. Резников, Т. П. Ломтев, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, О. С. Ахманова, Л. С. Выготский, М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин и др.), методику лексикографического описания стереотипных образов (В. В. Красных), а также практику в области лексикографического портретирования (Ю. Д. Апресян).

Под словом-образом в статье понимается условная единица, отражающая национально-культурные представления о предмете или явлении единством звуко-графического выражения и смысловой универсалии, существующей в сознании носителей языка в виде образа фрагмента действительности. Модель интегративного описания слова-образа представляет комплексное описание каждого лексико-семантического варианта (ЛСВ) слова в достаточно широком кругу лингвистических правил, включая этимологические, семантические, морфологические, сочетаемостные, фразеологические, в совокупности с лингвокультурологической информацией о стереотипных образах, обозначаемых данными ЛСВ слова.

Ключевые слова: *слово-образ, лексикографическое портретирование, стереотипный образ, лексикографическое описание, словарная статья, лингвистическая модель, интегративное описание.*

Необходимость учета специфики реальной жизни слова была давно замечена российскими учеными, среди которых А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Л. В. Щерба. Разделяя их взгляды, А. А. Залевская в то же время отмечает, что для разработки модели объяснительного типа необходимо подходить к языку как одному из психических процессов человека, поскольку наравне с восприятием, мышлением, воображением, памятью и т. п. язык является «орудием доступа к индивидуальному образу мира для пользования им в процессе познания и общения» [Залевская, 2014, с. 47].

Стоит отметить, что для обозначения языковых репрезентаций смысловых универсалий лингвисты используют разные термины: образ, языковой образ, концепт. Опираясь на учение об интегральном подходе к значению слова (сторонники Залевская, Стернин, Розенфельд, Ахманова), в рамках данного исследо-

вания мы будем рассматривать образ как компонент лексического значения, являющийся стереотипным представлением о предмете, называемом словом.

Понимая феномен «образ» в рамках интегративного подхода (позволяющего перейти к изучению слова, отражающего специфику национальной культуры) как знак, за которым закреплены знания, хранящиеся в сознании носителя языка, целесообразно, на наш взгляд, использовать термина «слово-образ», в котором, как нам кажется, содержится в обобщенном виде указание на две главные составляющие. Во-первых, указание на образ, зафиксированный в сознании носителя языка, способный заключаться в слове и воспроизводиться в речевом общении в виде конкретно-чувственного облика (образа).

Во-вторых, указание на словесный знак, обладающий внешней (звучание), внутренней (первоначальное образное значение) и содержательной формой [Васильева, 2005, с. 37], являющийся в дискурсе вербализованным выражением ментальности, особенностей национальной культуры.

Цель данной статьи – представить модель интегративного описания СЛОВА-ОБРАЗА, т. е. некой УСЛОВНОЙ ЕДИНИЦЫ, отражающей национально-культурные представления о предмете или явлении единством (совокупностью) звуко-графического выражения и смысловой универсалии, существующей в сознании носителей языка в виде образа фрагмента действительности.

Если понимать интеграцию как объединение в единое целое отдельных частей, то интегративным подходом, по нашему мнению, следует считать комплексный подход к изучению языковых явлений, предполагающий их объяснение и описание с точки зрения разных областей знаний, цель которых – постигнуть человека как носителя языка и особенности функционирования языка как средства восприятия мира человеком, формирования отношения к этому миру.

Интегративный подход к анализу *значения конкретного слова* в данном исследовании мы будем понимать как комплексное описание лингвистической информации о многозначном слове, реализующемся в процессе функционирования языка в разных ЛСВ, отражающихся в сознании носителей языка отдельными культурными образами.

Проблему фиксации большого объема информации о слове, описания каждого ЛСВ слова в функциональном аспекте способно решить, на наш взгляд, лексикографическое портретирование [Апресян, 1990, с. 55], отличающееся от обычного словарного описания наполнением словарной статьи новой информацией, позволяющей раскрыть разные стороны слова в зависимости от того, в окружении каких лексических единиц оно оказывается, какими отношениями с ними связано. Объектом портретирования является отдельное лексическое значение слова, или ЛСВ, а не слово в целом. Для построения грамматически, семантически и стилистически правильных высказываний, точно выражающих мысли говорящего, в лексикографический портрет слова необходимо включить описание этимологических, семантических, морфологических, сочетаемостных и фразеологических свойств слова, что позволит пред-

ставить «...такую информацию о слове в каждом из его актуальных значений, которая необходима и достаточна не только для его понимания в произвольном тексте, но и для его правильного употребления в собственной речи говорящих» [Апресян, 2013, с. 46].

Лексикографическое портретирование на сегодняшний день является оптимальным методом представления значения слова, решающим задачу наилучшей организации информации, необходимой для пользователя [Зализняк, 2013, с. 40].

Полагаем, что лексикографическое портретирование только частично решает проблему интегративного описания слова-образа, обеспечивая многоаспектность включаемой в словарную статью лингвистической информации. Комплексное описание слова-образа становится возможным при совмещении двух научных парадигм: системоцентрической (лексикографический портрет есть пример проявления системоцентризма) и антропоцентрической, характеризующейся проявлением интереса к личностным и социальным сторонам деятельности человека. В свете антропоцентризма человек предстает как субъект познания, обладающий определенным опытом и знаниями, являющимися отражением в его сознании окружающей действительности. В связи с этим интегративное описание слова-образа может состояться только при условии изучения рассматриваемого языкового явления в тесной связи с человеком, его памятью, сознанием, мышлением. Иными словами, невозможно осуществить интегративное описание слова-образа, изучив лингвистическую информацию о слове (даже если это многоплановая, разносторонняя информация), не беря во внимание образный компонент как составляющую значения слова.

Каждый ЛСВ слова-образа может являться вербализованной оболочкой отдельного стереотипного образа.

Стереотипизация как социально-психологическое явление представляется одним из методов формирования культурного феномена, необходимым условием для придания ему статуса знака культуры, функционирующего как нечто устойчивое в культурном пространстве этноса [Иванова, Чанышева, 2010, с. 324]. Стереотипно-образное восприятие окружающего мира отражается в языке, закрепляясь в содержании языковых единиц и наделяя их способностью играть активную роль носителей культурной информации, участвующих в формировании национальной картины мира.

Описание образного компонента значения слова возможно, на наш взгляд, с использованием методики составления словарной статьи, предложенной В. В. Красных для описания фрагментов русского культурного пространства [Красных, 2003, с. 242]. Ученый предлагает структурировать лингвокультурологический материал следующим образом.

1. В вводной зоне словарной статьи указывается, входит ли данная единица в число русских мифологических персонажей, и если входит, то выполняет ли символическую функцию и вступает ли в оппозицию с другими единицами.

В вводной части также следует указать, в какой роли может выступать данная единица: как мифологический образ, персонаж фольклора, как стереотипный образ или как средство характеристики (человека, предмета или ситуации).

2. Первый раздел статьи посвящен бытованию данной единицы в фольклоре (если таковое имеет место) и / или в библейском дискурсе.

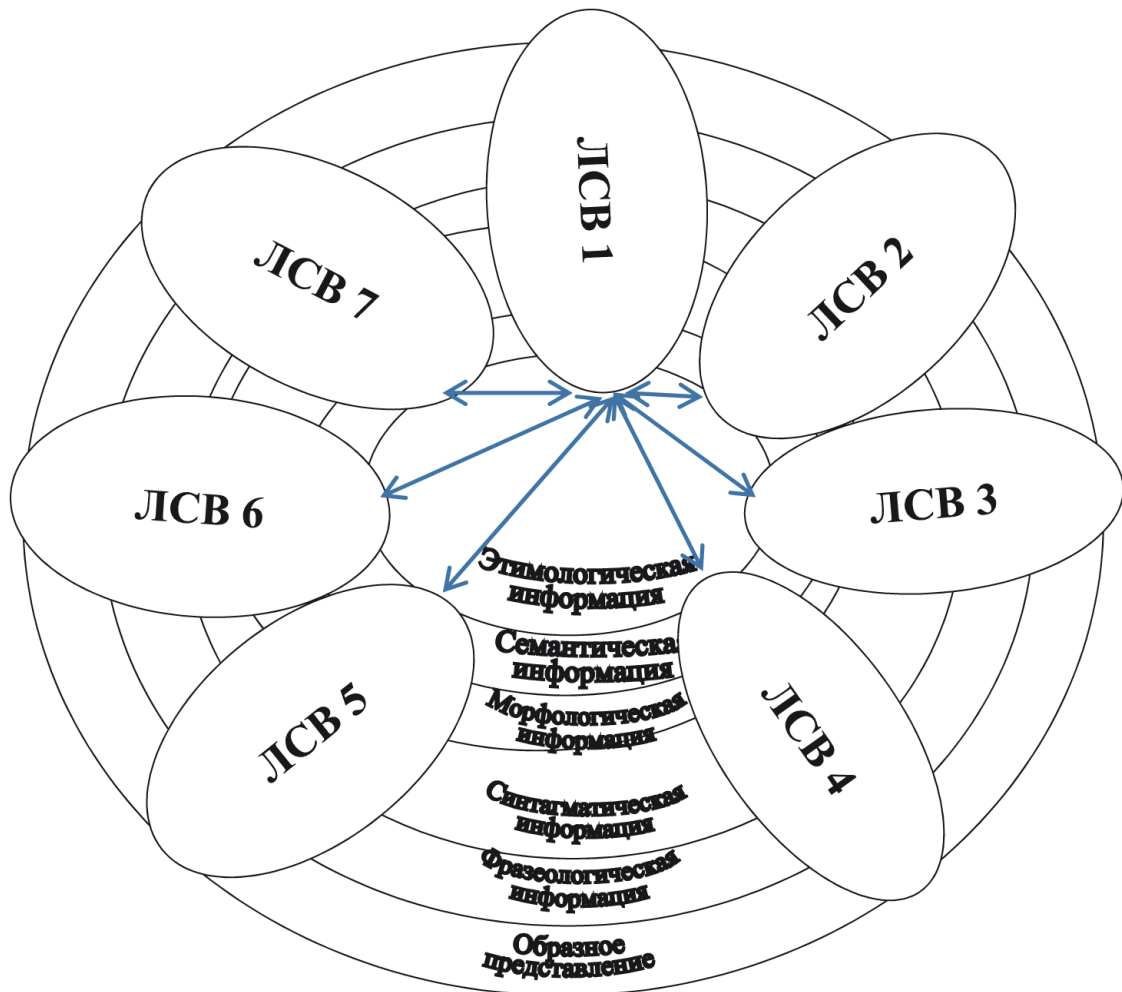
3. Следующий раздел словарной статьи содержит описание стереотипного образа. «В стереотипный образ необходимо включать те черты, которые так или иначе актуализируются в дискурсе», опираясь на корпус примеров из современной литературы, СМИ (газеты, журналы, радио и телевидение, Интернет), публицистических текстов, политического дискурса и повседневного общения русскоговорящих.

4. В последнем разделе словарной статьи представлены случаи апелляции к образу в дискурсе и условия употребления «именования» в речи. Затем приводятся существующие в современном русском языке выражения, в которых фигурирует «вербальная оболочка» образа. Все выражения иллюстрируются примерами из современного русского дискурса и паремиологического фонда языка (половицы и поговорки).

Таким образом, методика интегративного описания слова-образа включает в себя представление каждого ЛСВ слова посредством лексикографического портретирования и описание каждого образного компонента, содержащегося в отдельном значении многозначного слова, путем составления словарной статьи по методике В. В. Красных (лексикографическое описание стереотипного образа) и может быть продемонстрирована последовательностью действий: 1) установление связи имени с его исходным денотатом, определение образов и символов, лежащих в основе номинации; 2) анализ словарных дефиниций, максимальное расширение списка значений; 3) описание ассоциативного поля «хлеб» по результатам анализа ассоциативных словарей и проведенных экспериментов (ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование); 4) описание морфологической парадигмы слова, отражающей современное словоизменение; 5) изучение сочетаемости исследуемого слова, выявление компонентов, образующих смысловую область, стоящую за знаком в сознании носителей языка; 6) описание фразеологизмов, основным компонентом которых являются ЛСВ слова, в лингвокультурологическом аспекте, классификация данных фразеологизмов по идеографическому принципу, сопоставление образной природы их значений с фоновыми знаниями носителей языка; 7) изучение своеобразия стереотипно-образного восприятия окружающей действительности, отраженного в языке «вербальными оболочками».

В связи с вышеизложенным теоретическим обоснованием предлагаем модель интегративного описания слова-образа, которая предполагает наличие этимологической, семантической, морфологической, сочетаемостной, фразеологической информации о каждом ЛСВ рассматриваемого слова, а также включает в себя лингвокультурологическую информацию о стереотипных образах,

обозначенных данными ЛСВ. Модель интегративного описания слова-образа может быть представлена следующим образом (рис.).

*Рис. Модель интегративного описания слова-образа
(Model of an integrative description of a word-image)*

1. Этимологическая информация

История происхождения базовой лексемы позволяет выявить внутреннюю форму слова, т. е. определить образы и символы, лежащие в основе номинации. Цель такой работы – установить связь имени с его исходным денотатом, т. е. выяснить, в каком значении возникло рассматриваемое имя и на основе какого языкового материала, таким образом, имеется возможность не только проследить историю слова, но и воссоздать языковую картину мира.

2. Семантическая информация

Семантическая информация содержит знания о смысловом строении слова. С целью выявления лексикографического значения слова необходимо произвести анализ словарных дефиниций. Учитывая, что в разных словарях возможно выделение разных значений и семантических компонентов одного и того же слова, обобщаем все рассматриваемые словарные дефиниции, что позволяет максимально расширить список значений.

В лексикографическом значении фиксируются преимущественно ядерные семы, в то время как периферийные, коннотативные и функциональные отражены крайне непоследовательно. Поэтому на данном этапе целесообразно применить метод семной интерпретации свободных ассоциаций с целью выявления семантических компонентов разных типов в содержании слова, что позволит наиболее полно представить структуру значения и сформулировать словарную дефиницию, максимально приближенную к реальному языковому сознанию.

3. Морфологическая информация о каждом ЛСВ

Морфологическая информация, содержащая описание морфологической парадигмы, отражает современное словоизменение, которое основано на совокупности закономерностей языка. Такого рода информация позволяет ознакомиться с правилами построения значимых речевых отрезков.

4. Синтагматическая информация о каждом ЛСВ

Сочетаемость информации о слове является основополагающей для коммуникативного аспекта языка, влияющей на создание связного высказывания говорящим и понимание его слушающим [Влавацкая, 2012, с. 177], поэтому в рамках лексикографического портрета необходимо рассмотреть сочетаемость исследуемого слова как составляющую синтагматического компонента значения, выстраивающую определенный контекст, в котором раскрывается значение.

5. Фразеологическая информация о каждом ЛСВ

Особую роль в создании языковой картины мира играют фразеологические единицы (ФЕ), поскольку образная природа их целостного значения тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с их практическим жизненным опытом, с культурно-историческими традициями. Именно фразеология наиболее полно отражает специфику национального менталитета, проявляющуюся через культурные коды [Васильева, 2013, с. 162]. Изучение фразеологизмов с рассматриваемым словом как фрагмента лексико-фразеологической системы русского языка в лингвокультурологическом аспекте даст возможность выявить национально-культурное своеобразие рассматриваемых фразеологизмов.

6. Стереотипные образы как составляющие структуры каждого ЛСВ слова

Описание образного компонента каждого ЛСВ рассматриваемого слова через изучение стереотипно-образного восприятия окружающей действительности, отраженного в языке, позволяет зафиксировать традиции и этническое своеобразие культуры, недостаточные знания о которых зачастую приводят к искаженному восприятию многих особенностей речевого поведения собеседника.

Таким образом, рассматривая идеи системоцентризма и антропоцентризма в единой концепции, учитывая достижения обоих подходов в лексикографическом описании значения слова, в том числе в описании национально-маркированных языковых единиц, считаем, что наиболее адекватным является интегративный подход к изучению, анализу, описанию значения слова, интерпретирующий язык как «один из компонентов сложного ансамбля психических

процессов, без взаимодействия которых пользование языком (в том числе понимание текста) невозможно» [Стилистич. энцикл. сл. рус. яз., 2011, с. 183]. В рамках такого подхода допустимо изучение того, как слово «живет», в отличие от слова, представленного в словаре.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Бегать и бежать: словарные статьи «Активного словаря русского языка» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 8 (109). С. 46–74.
2. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 123–138.
3. Васильева С. П. Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 162–166.
4. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2005. 327 с.
5. Влавацкая М. В. Роль сочетаемости слов для говорящего и слушающего с позиций комбинаторной лингвистики // Вестник Иркутского государственного лингвистического ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 2 (19). С. 176–181.
6. Залевская А. А. Интерфейсная теория значения слова: Психолингвистический подход. London: Published by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE), 2014. 180 с.
7. Зализняк А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
8. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиск, решение: монография. Уфа: РИЦ БашГАУ, 2010. 366 с.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 696 с.

Сведения об авторе

Устьянцева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-35>

WORD-IMAGE INTEGRATIVE DESCRIPTION MODEL

E. V. Ustyantseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Modern linguistics is increasingly striving to become explanatory, i.e. explaining the functioning of the language as a means of “externalization” of thinking and access to human consciousness, considering speech activity as a specific cognitive process. Agreeing with E. S. Kubryakova’s point of view, who admits that through the word one can go “to various structures of knowledge, both verbalized and nonverbalized” [Kubryakova, 2004, p. 389], we propose in this article a model of an integrative description of a word-image based on an integral approach to the meaning of the word (among supporters of this concept are A. I. Smirnitsky, D. P. Gorsky, L. Ya. Reznikov, T. P. Lomtev, A. A. Leontiev, A. A. Zalevskaya, O. S. Akhmanova, L. S. Vygotsky, M. Ya. Rosenfeld, I. A. Sternin, etc.), the methodology for lexicographic description of stereotypical images (V. V. Krasnykh), as well as practice in the field of lexicographic portraiture (Yu. D. Apresyan). The word-image in this article refers to a conditional unit that reflects national and cultural ideas about an object or phenomenon by the unity of a sound plus graphic expression and a semantic universal that exists in the minds of native speakers in the form of an image of a reality fragment. The model of an integrative description of a word-image represents a comprehensive description of each lexical-semantic variant (LSV) of a word in a fairly wide range of linguistic rules, including etymological, semantic, morphological, compatibility, phraseological, in conjunction with linguistic and cultural information about stereotypical images denoted by the LSV of a word.

Keywords: *word-image, lexicographic portraiture, stereotypical image, lexicographic description, dictionary entry, linguistic model, integrative description.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Apresyan U. D. Begat' i bezhat': slovarnye stat'i „Aktivnogo slovarya russkogo yazyka” [Run and run: dictionary articles of the „Active dictionary of the Russian language”] // Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2013. № 8 (109). S. 46–74.
2. Apresyan U. D. Formal'naya model' yazyka i predstavlenie leksikograficheskikh znaniy [Formal language model and representation of lexicographic knowledge] // Voprosy yazykozvaniya. 1990. № 6. S. 123–138.
3. Vasil'eva S. P. Lingvokul'turologicheskij aspekt semantiki glagol'nyh frazeologizmov [Linguoculturological aspect of the semantics of verbal phraseological units] // Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2013. № 1 (23). S. 162–166.
4. Vasil'eva S. P. Russkaya toponimiya Prienisejskoj Sibiri: kartina mira [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: a picture of the world]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Krasnoyarsk, 2005. 327 s.
5. Vlavackaya M. V. Rol' sochetaemosti slov dlya govoryashchego i slushayushchego s pozicij kombinatornoj lingvistiki [The role of word compatibility for the speaker and listener from the standpoint of combinatorial linguistics] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta. Ser.: Filologiya. 2012. № 2 (19). S. 176–181.
6. Zalevskaya A. A. Interfejsnaya teoriya znacheniya slova: Psiholingvisticheskij podhod [Interface theory of word meaning: a Psycholinguistic approach]. London: Published by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE), 2014. 180 s.

7. Zaliznyak A. Russkaya semantika v tipologicheskoy perspective [Russian semantics in typological perspective]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 640 s.
8. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poisk, reshenie [Linguoculturology: problems, searches, solutions]: monografiya. Ufa: RIC BashGAU, 2010. 366 s.
9. Krasnyh V. V. „Svoj” sredi „chuzhih”: mif ili real'nost' ? [“Your own” among “others”: myth or reality?] M.: „Gnozis”, 2003. 375 s.
10. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to learning about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
11. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] / pod red. M. N. Kozhinoj. 2-e izd., stereotip. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 696 s.

About the author

Ustyantseva Elena Viktorovna – Senior Lecturer, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-36>

УДК 82.0+81«25

ГРАНИЦЫ ПЕРЕВОДА В СБОРНИКЕ М. СТЕПАНОВОЙ «ЗА СТИВИ СМИТ»

А. В. Марков (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Сборник русского поэта Марии Степановой «За Стиви Смит» представляет собой вольные переводы стихов известной британской поэтессы. Степанова, опираясь на теорию и практику Григория Дашевского, подробно объясняет специфику своей работы. Вместе с тем из-за особенностей комментаторского метода Дашевского и Степановой не до конца проясненным остается статус подражаний такого типа в литературном процессе.

Материалы и методы. Для исследования были выбраны стихи «гномического» типа, выражающие какую-то одну мысль, так как они позволяют увидеть лучше механизмы построения высказывания, отличающиеся от тех, которые создаются богатой образностью сюжетных стихотворений. Основным методом стала реконструкция источников взглядов Григория Дашевского на перевод и подражание, обусловленных классической филологией. Также были привлечены работы специалистов по поэзии Степановой и исследователей, ставящих близкие вопросы о границах искусства в создании новых философских смыслов, таких как философ-феноменолог Анна Ямпольская.

Результаты исследования. В ходе исследования было доказано, что позиция Марии Степановой воспроизводит ту позицию, которую создал Григорий Дашевский при интерпретации наследия Арата из Сол: возвращение от идеалов семиотики средней Стои к простоте древней Стои. Степанова, в отличие от Дашевского, не только жертвует точностью (в терминологии Дашевского, «перевод минус»), но и прибавляет что-то. Тем самым она усиливает этический пафос стихов Смит, без каких-либо искажений сюжета стихотворения, но благодаря изменению тех координат, в которых прочитывается дидактическое стихотворение.

Выводы. Книга «За Стиви Смит» должна быть признана особым достижением русской поэзии, не сводящимся к понятиям поэтического перевода и поэтического подражания. Это важный эксперимент по актуализации античной и христианской этики исключительно лирическими средствами. В этом эксперименте переводчик нового типа отказывается не от отдельных особенностей формы, а от инерции романтического типа высказывания.

Ключевые слова: Мария Степанова, Григорий Дашевский, Стиви Смит, переводоведение, подражание, лирическая вариация, стоицизм, этика.

В истории русской поэзии как переводы иноязычных стихотворений, так и вольные подражания им, вплоть до простого введения какого-то одного мотива иноязычного стихотворения для создания эстетического целого, считались необходимыми для развития систематического производства новаций в поэзии. При этом если в устойчивых системах стихосложения все эти «Из Гейне», «На мотив Гейне» или «В духе Гейне» равно означали подражание без заранее оговариваемых предпочтений, так что корреляция типа названия с точ-

ностью или вольностью передачи отдельных сторон поэтического текста требует дополнительных исследований, то для новейшей русской поэзии такое самоопределение напрямую связано и с юридическими, и с коммуникативными вопросами – например, с тем, что аудитория новейшей поэзии в значительной части владеет английским и может обратиться к оригиналам, или даже если не владеет английским, имеет свои представления о различных явлениях мировой поэзии.

Если в старой поэзии граница между переводом и подражанием определялась по преимуществу функционально, в качестве чего это будет публиковаться (и даже если критик бранил или хвалил перевод, то критик действовал на издательском рынке), и уже дальше устанавливались критерии точности или вольности перевода и их применимость в различных контекстах, то сейчас таких инстанций определения несколько: сам контекст, читательское восприятие или среда распространения начинает переопределять, что будет признано переводом и к чему предъявят требования как к переводу, а к чему – как к оригинальному стихотворению. Эта революция, передача экспертизы из рук издателя в руки читателя, произошла незаметно, и можно только удивляться, что она не обсуждалась развернуто как важное событие новейшей русской литературы.

В данной статье мы исследуем, как именно в современной русской поэзии у тех или иных видов подражания появляется обособленный статус, так что это подражание становится отдельным явлением и для издателя, выпускающего отдельную книгу, и для критиков и читателей, явно понимающих отличие этого решения от других решений того же автора. Материалом исследования была выбрана книга Марии Степановой «За Стиви Смит» [Степанова, 2020], вариации на стихи британской поэтессы и художницы Стиви Смит (1902–1971). Так как объем книги сравнительно большой (34 стихотворения), то мы выбрали те стихи, которые можно отнести к гномической поэзии [Аверинцев, 1996]. Так условно, от греческого «гноме» (мудрое высказывание, мысль, замысел), называется краткая, афористическая поэзия, в которой простота сюжета и образов соединяются с очень продуманными разделениями самого бытия. В этой поэзии важно, не просто о каком предмете высказывается мудрая мысль, но какая область бытия, какое состояние бытия здесь имеется в виду, заведомо отличаемое от других областей и состояний бытия. Например, если гномическая поэзия посвящена дружбе, она заведомо будет не сближаться с любовью, как в лирической зарисовке, но отличаться от нее. Определенные черты гномичности появляются в переводной поэзии, например, русской эмиграции, где нужно считаться с самим фактом ограниченного действия аффектов в иноязычной среде [Марков, 2019б] и деформированном литературном процессе [Марков, 2019а].

Мария Степанова в «Послесловии / Предуведомлении» прямо указывает на опыт Григория Дашевского (1964–2013) как на источник и прецедент этой книги. Когда в сетевой дискуссии подражание одной из элегий Проперция называли фантазией, исходя из того, что в этом подражании перемешаны и реалии, и стили, Дашевский решительно отказался видеть в этом произведении пастиш.

Он сказал, что «не хочу – даже умолчанием – присваивать себе ничего из принадлежащего римскому поэту» [Степанова, 2020, с. 49], и далее уточнил, что это «практически дословный перевод – другое дело, что у этой дословности свои правила». Далее Степанова поясняет эту дословность, что речь идет не о передаче текста, а о передаче самой необычной ситуации, где работа траура передается умершей возлюбленной, а не влюбленному. «Живой поэт и мертвая возлюбленная, явившаяся из безмерной дали упрекать его за то, что мало любил, бесконечно отражаются в иной, но идентичной им паре; *тогда как теперь* и *теперь как тогда* безостановочно воспроизводят, отрицают и подтверждают друг друга» [Там же]. Казалось бы, речь должна быть о взаимном отражении перевода и оригинала, тогда как герои оказываются тождественными благодаря как раз этой непрестанной работе перевода.

Но Степанова тут же поясняет: «В элегии Проперция участвуют двое, в стихотворении Дашевского – как минимум четверо» [Там же]. И далее оказывается, что точность определяется совпадением с поэтом, причем умалившимся до точки, а не с героями: «Авторское *я* утратило всякий вес, умалилось до точки, до согласия с любым чужим голосом, которому можно вторить, ничего не добавляя и ни с чем не споря. Этот предсмертный выбор не отменяет свободы: говоря голосами Суинберна или Элиота, Дашевский переводит только тот маленький фрагмент, с которым он может сейчас полностью совпасть, под которым готов подписаться» [Там же, с. 51]. Получается, что Дашевский дал образец гномической поэзии хотя бы на уровне выбора материала и работы с ним найти тот самый фрагмент, который и будет нести всю мудрость стихотворения, но так что предметное содержание этого фрагмента и связанные с ним эстетические решения будут обособлены от других возможных, а не переходить одно в другое в привычном лирическом наплыве чувств.

Степанова в своих замечаниях совпадает с общими выводами исследователей переводов Дашевского, среди которых поэты (А. Глазова, Е. Фанайлова) и переводчики (Н. Мавлевич), согласно которым даже замена темы или антуража в сравнении с иноязычным прообразом в оригинальных стихах Дашевского, которые не называются переводами, на самом деле парадоксальна, скорее переводы, чем вариации. Достаточно, например, сапфической строфы, чтобы это стихотворение было не вариацией на тему Сапфо и тем более не стилизацией под античность, но переводом из Сапфо – на другой язык и, соответственно, с помощью других символов и образов. Именно так А. В. Левченко [Левченко, 2015, с. 255–256] разобрал стихотворение «Карантин», написанное сапфической строфой: по мнению этого исследователя, тема стихотворения, невозможность выдержать болезнь и обожествление как необходимость выдержать болезнь, не менее точно передает мысль Сапфо из стихотворения-прообраза, чем переводы из Сапфо, начиная с перевода Катулла.

Левченко усмотрел в этом особую технику «точного» слова, которое не записывается как соответствие оригинальному слову в переводе, а ищется в самом про-

цессе перевода, как и Сапфо искала слово для этого обожествления и в конце концов заговорила о своих состояниях. Так и Дашевский рефлексивно говорит о состояниях, видя в них именно невозможность найти точное слово для пограничного опыта, видя в этих состояниях не эпизоды любовного чувства, а саму трудность говорить о страданиях. На такую усложненную рефлексию, хотя вне гномического контекста, уже обращали внимание исследователи [Пиотровска, 2018, с. 381–383].

Иначе говоря, перевод оказывается точен, но именно благодаря рефлексии над возможностями слова, которой не было у Сапфо, но которая является профессиональной обязанностью переводчика. Также А. С. Цибуля, филолог и искусствовед, удачно говорит, что в стихах Дашевского страх «как бы обращается на себя, становится жертвенным животным». Соответственно, и в переводах всегда переводится фрагмент, но при этом этот фрагмент «претворяется в своего рода эпитафию» [Цибуля, 2014, с. 287], надпись, строго зафиксированное соответствие письма и судьбы, иначе говоря, действует не просто прямая причинность, а причинность предельно точно зафиксированная, фатальная, неизбежная. Получается, что за такой точностью стоит особо понятый фатализм, но прошедший через рефлексию. Необходимо было как-то по-новому научиться осмыслять фатализм, чтобы не превращать его в эмоцию, вызывающую другие лирические эмоции, но в способ производить гномические или любые другие обособленные высказывания, имеющие в виду строго ограниченные в применении эмоции.

При гномическом подходе переложение, как раз отказываясь от ряда формальных решений, а другие, наоборот, реализуя очень искусно, позволяет обрубить эмоциональные зацепки, вызывающие романтический лирический поток и сосредоточиться на мысли. Но как именно выделяется мысль в качестве мысли, а не в качестве временной лирической ассоциации, которая может смениться другими ассоциациями? Вот это мы и будем искать в настоящей статье, учитывая, что обсуждение гномичности поэзии Степановой как особого искусства памяти уже стало частью школьной дидактики [Гутрина, 2016]. Гномичность можно считать подражанием дидактичности, причем подражанием успешным, членящим уже реальность, а не условные школьные уроки, что исключительно важно для дальнейшего нашего аргумента, обращаясь, как мы увидим, к античной дидактической поэзии.

Конечно, в критике Дашевского есть указание на такое гномическое обособление материала, но другое дело, что оно всегда определяется от противного, через критику амбиций советской школы перевода, так что трудно отличить, где именно перед нами критика сложившейся ситуации, а где – реализация новой эстетической программы. В статье [Дашевский, 2005] Дашевский предложил новый критерий вольности перевода: за точку отсчета берется советский перевод, который пытается передать все стороны оригинала: «размер, смысл, образность, благозвучие». Но как раз благозвучие советские переводчики не требовали, они любили экспрессию, тогда как в описании Дашевского можно увидеть ироническую отсылку к названию книги Брюсова [Брюсов, 1918], стоявшей у истоков

советских практик культурной поэзии и культурного перевода, выглядящую как упрек советским переводчикам за отход от начального правила производства поэтических текстов. Но как Дашевский возвращается от романтической всесторонности к гномической однонаправленности, пусть даже через весьма произвольную критику советской традиции?

От этого советского идеала можно спускаться на ступень, на минус одну, две или три, чего-то не передавая. Сам Дашевский показывает пример, заменив в переводе Хопкинса мужские клаузулы на женские и отказавшись от рифмы, а в переводе из Горация (Ода IV, 7) не соблюдая размер, фактически сделав подстрочник. Но мужские клаузулы не свойственны русскому стиху, равно как и античные размеры обычно служили подстрочнику, а не противоречили ему. Но странность позиции Дашевского, отвергающего советскую вольность под видом точности, оправдана тем, что он отходит от поэтизмов в пользу гномичности уже в переводе Горация, и, таким образом, минус-перевод оказывается некоторым возвращением к более четкому видению причинно-следственных связей, в отличие от романтического вычленения причин и следствий в потоке эмоциональных впечатлений. Так, Гораций говорит тогда в переводе не о том, что происходит, а о том что будет: «Но небесный урон возмещают быстрые луны» – в значении «дурная погода скоро пройдет», или «прибавят ли к сегодняшнему итогу завтрашние / Сроки» в значении «дадут ли прожить еще немного»; и если в ритмике стиха это можно было бы понять как традиционные поэтизмы, ритмическая трещотка создала бы густую аффективную атмосферу, то когда эта ритмическая трещотка отключена, создается эффект странности, что вот мы столкнулись с тем, что есть только причина, следствие и мы. В переводе сонета Хопкинса «I wake and feel the fell of dark, not day» отчасти передается изысканная звукопись оригинала, но при этом меняется интонация:

I wake and feel the fell of dark, not day.
 What hours, O what black hours we have spent
 This night! what sights you, heart, saw; ways you went!
 And more must, in yet longer light's delay.

Проснусь – не день, оскомины от мрака.
 Что за ночь прожито часов, да черных!
 Исхожено-то, видено-то сердцем!
 Но крохи, как исчислишь срок до света.

Так, благодаря отказу от формального соответствия возникает гномичность: в отличие от сюжета оригинала, раскаяния, которое занимает всю ночь и подчиняет себе все остальные эмоции, здесь, наоборот, обособляется одна эмоция, чувство рокового, быстротечного времени. История переживания, аффекта покаяния, который только и оправдывает лирическое волнение, оказывается заменена

на мудрость: все аффекты и весь опыт ничто перед тем переживанием времени и смертности, которое и образует мудрость. Это отвечает выводам и критиков авторской гномической поэзии Дашевского [Марков, 2013].

Но сразу тогда возникает вопрос, а как именно становится возможен такой отказ от аффектов не как вопрос выбора темы и материала, но как вопрос техники перевода или переложения? От ответа на этот вопрос зависит успех всего нашего исследования, а именно как в современной поэзии читатель может определять, что перевод, а что – переложение, в зависимости от того, признает ли читатель, действует ли на него или на нее мысль оригинала или «гномическое» усилие переводчика. И неожиданно оказывается, что Дашевский дал ответ на этот вопрос в одной из самых ранних своих работ, которую обычно не учитывают литературоведы и критики, а именно в предисловии к публикации перевода поэмы Арата из Сол «Явления» А. А. Россиусом [Дашевский, 1992]. Перевод этого крупнейшего памятника эллинистической дидактической поэзии требовал комментария для современного читателя, причем не ограничивающегося простым указанием на то, что в доромантическое время дидактическую поэзию ценили, а романтизм с его культом индивидуализма и охваченности самостоятельно действующими аффектами стал презирать дидактическую поэзию с ее заранее известными решениями, как именно надо реагировать на какой тип знания.

Дашевский в предисловии показывает, что сам тип знания менялся в античности, так что определенный акт смыслового «перевода» осуществлялся уже тогда, причем приводивший к той самой читательской цензуре. Не просто читатель что-то начинает считать «переводом», а что-то «вариацией», как в современной поэзии, но так как речь идет об освоении научного, почти сакрального смысла, то читатель какой-то способ существования и оформления этого смысла признает, а какой-то отвергает. То, принималась ли поэма полностью или частично, оказалось в зависимости от того, как понимались сами научные законы, как действие тотальное, при котором все оказывается переводом, любое изложение науки релевантно положению дел, или как действие в избранных ситуациях, когда одно научное изложение оказывается релевантным, а другое, имеющее в виду более сложные отношения между вещами, отвергается как не-гномическое, как вариация, которая не имеет отношения к делу.

Дашевский разбирает важный вопрос, почему в поэме Арата нет обычного Вступления, обращения к Музам или ученику, и при этом она явно распадается на две части: на астрономическую и метеорологическую. Дашевский видит в таком членении поэмы и отсутствии Введения следы борьбы средней Стои за чистоту стоического учения. Для ранней Стои, позицию которой в целом разделял Арат, было важно учение «о промыслительных знаках божества, понимание которых в принципе совпадало с пониманием естественной каузальной связи». Тогда как средняя Стоя, как Посидоний, учитель Цицерона, восприняла учение о «всемирной симпатии» и ввела принцип «дальнодействия», «непосредственного влияния светил на судьбы людей» [Дашевский, 1992, с. 11]. Для средней Стои были

немыслимы никакое вступление (так что аутентичного и не осталось), ни вторая часть поэмы, что отвечало, замечает Дашевский, и александрийскому вкусу, для которого объем поэмы более 1000 строк противоречил идеалу изящества. Для нас непосредственное ассоциируется с соприкосновением, под влиянием ньютоновской физики, а различные знаки – с культурой, с системой опосредований. Но для философского подхода тогда знак и есть то, что событие происходит, что оно уже не может не произойти, а тогда как средняя Стоя, поставившая под вопрос статус знака, усложнившая отношение между мыслью и знаком, позволила выбирать две отдаленные точки, которые во всемирной связности могут совпадать, неожиданно далекая звезда окажет влияние на далекого человека, просто совпав с ним, с его местом и его бытием.

Наша гипотеза состоит в том, что в проекте Марии Степановой «За Стиви Смит» происходит возвращение от «средней Стои» к «древней», иначе говоря, от такой семиотики, от каталогов сложных сплетений, в которой должно возникнуть прямое действие как нечто дополнительное, к определенной новой естественности, «метеорологической» ясности. Здесь оказывается важен еще один пример. А. В. Ямпольская [Ямпольская, 2016, с. 112] с опорой на цитату из Степановой как раз разделяет двух феноменологов-эстетиков, Мишеля Анри и Анри Мальдине, и это разделение как раз соответствует тому, как Дашевский понимал отношение к вопросу о промысле древней и средней Стои. Где Анри всегда исходит из прямой каузальности и соблюдения ее условий, там Мальдине говорит о всеобщей эмпатии и особых силовых линиях уже внутри этой эмпатии, а не при соприкосновении вещей. Анри и Мальдине одинаково вдохновляются русским авангардом, но толкуют его по-разному. Для Анри переживание цвета и формы ничем не отличается от переживания боли, холода или радости. Но именно поэтому здесь мыслить фрагментом, обособить произведение искусства от потока жизни – это всегда перевод: «определяя фрагмент полотна как полотно объективно красного цвета, мы совершаем искусственный акт отчуждения».

Ямпольская, пересказывая позицию Анри, говорит, что в таком фрагментировании есть преимущество освобождения от своей собственной позиции, «мы выводим самих себя из игры». Поэтому, по Анри, восприятие искусства – духовная практика: следует признать свою ранимость, ввести себя в игру и, приняв полотно не просто как фрагмент бытия, а как подлинный красный цвет, расплакаться и проникнуться переживанием. Тут Ямпольская как раз цитирует слова Степановой «жизнь продолжает себя». Это кода стихотворения «Летчик» («А жизнь продолжает себя»), которое возникло на перекрестии мужской и женской оптики, и в конце концов оказывается, что жизнь как аффективная практика противостоит и обычаю фрагментирования, обрезки действительности мужским или женским взглядом, и выделению каких-то принципиально аффицирующих линий в якобы всеобщей связности жизни. А как раз Мальдине мыслил как «средняя Стоя»: для него Кандинский только систематизировал аффекты, а не открыл путь к этому возвращению аффектов, он только навел порядок в этом мире все-

общей эмпатии, и поэтому при всей близости позиций Анри и Мальдине, как доказывает Ямпольская, это разногласие непреодолимо.

Итак, чтобы перевод стал переложением, но при этом гномическим и поэтому принимаемым читателем как точный, надо изменить отношение к причинности, перейти от образа всеобщей эмпатии, где фатум оказывается лишь некоторым сюжетом среди других сюжетов и любая гномичность только сухо систематизирует мотивы (как Кандинский, по Мальдине), к образу простой причинно-следственной связи, где гномичность возвращает нас самих, нас как действующих и ответственных субъектов, так что переложение, отказываясь от формальных признаков, делающих его переводом, отказывается от такого эмпатического смысла перевода, что через него мы «чувствуем все стороны оригинала», но зато позволяет нам понять, о чем идет речь. К сходным выводам о локализации эмоции, гномичности и эмпатии приходили исследователи оригинальной поэзии Степановой, но только в рамках критики отдельных примеров, не систематизируя полученные результаты и не раскрывая общие принципы такой поэтики.

Так, У. Ю. Верина, анализируя стихотворение «Поезд едет долгой белой горкой...» [Верина, 2015, с. 48], говорит о том, что фрагмент в этом стихотворении выступает не как принцип поэтики, а как инструмент, позволяющий выхватить «мир» и «сюжет». Такая инструментализация фрагмента, по мнению Вериной, ведет не к жанровому сдвигу, а к возвратному движению в сторону лирики: «Его величина отмерена точно: ровно настолько, чтобы быть лирическим стихотворением, а не частью недописанного лиро-эпоса». Перед нами не метафора, а вполне точное описание техники работы, при которой мы возвращаемся к естественности лирического высказывания, в котором лирика возникает не как отдельный инструмент влияния внутри более сложного эпического целого, не как дополнительный эмоциональный инструмент, но как непосредственное отношение между ассоциативными рядами воображения и организацией речи.

Заметим, что в рассмотренном стихотворении Степановой, изображающей поездку на дачу по горьковскому направлению, дачная жизнь отождествляется с Китежем, а движение скорого поезда – с попыткой разорвать пуповину. У другого поэта это были бы просто сильные метафоры невозвратного прошлого и роковой тоски по нему, тогда как у Степановой это образы с дополнительным смыслом, потому что Китеж находится как раз по тому же направлению, только еще дальше Нижнего Новгорода, а железные дороги могут быть увидены именно как питание единого организма. Таким образом, перед нами сложнейшая картина, где есть и рождение, и смерть, но, в отличие от привычной сентиментальной лирики, невозможно определить, где именно они, что в доме, а что в дороге. Все определяется через направления, иначе говоря, выделяются силовые линии эмпатии в сложном сродстве всех вещей. Но конечное чувство должно быть однозначным: сбывается не бывшее («В более не бывший город Горький»), иначе говоря, причинно-следственная связь работает, хотя обратная перспектива памяти и воспоминания отличается от прямой перспективы замысла.

В конце концов Верина подходит близко к различению «средней Стои» и «ранней Стои» [Верина, 2017], но отождествляет их с «поэтикой молодости», когда все кажется связным и фатум приходит неизвестно откуда, и «поэтикой зрелости», когда важно гномическое понимание, что причина не остается без своего следствия, и следствие не результат особо выделенного среди лирического переживания сюжета, но непосредственный результат рецепции. Отсутствие терминологического аппарата, предложенного нами, помешало увидеть в этом более общий принцип, связанный и с мировоззренческими вопросами, и с ролью издателя и читателя в современном литературном процессе. Тогда как анализ гномической поэзии позволит увидеть этот общий принцип со всей ясностью.

Несколько небольших стихотворений из сборника «За Стиви Смит» показывают работу гномического принципа. Так, стихотворение «О лев огромный как сарай...» [Степанова, 2020, с. 41] представляет собой перевод «Oh, Lion, in a peculiar guise...», но с возможной памятью и о гораздо более развернутом стихотворении на ту же тему «Sunt leones» (здесь и далее Стивен Смит цитируется по электронному изданию [Smith, 2016]), посвященного взгляду на раннехристианских мучеников с точки зрения неопределенного будущего, будущего и церкви, и страны, и искусства. В развернутом стихотворении, которое мы тоже должны учесть для полноты картины, Смит говорит, что львы как орудия мучения скрепляли будущую Церковь и внесли особый вклад «с точки зрения современного искусства, они сделали набросок / окрасив пески Колизея румяным / литургически жертвенным оттенком». По сути, в стихотворении говорится об особой эмпатии: христиане даже в момент, когда в них вонзались челюсти львов, чувствовали, что львы что-то значат в этой их неприятности. Церковь, говорит Смит, прославила только мучеников, но не львов, хотя они были частью совершенно омерзительной ситуации жертвоприношения, а мы как художники, не способные отвернуться от мерзости, должны воздать должное львам, сделавшим возможным мученичество и торжество христианство. По сути, перед нами мир «средней Стои» – гражданская жизнь, церковная жизнь, искусство и бытовая любовь к животным – это мир всеобщей эмпатии, а Церковь, признав христиан в качестве преимущественных носителей будущего, тем самым оттеснила на второй план львов, и одно «дальнодействие», промысел Божий по отношению к отдельному святому, не дало увидеть другое, гораздо более эмпатическое дальное действие, волю животного, вдруг совпавшую с конечной волей Божией. Смит создает сложную эмпатическую картину, в которой в конце концов должна найти оправдание ее, а не официальная церковная картина дального действия, тогда как в четверостишии про льва та же самая картина искупления и оправдания как части исторического процесса передана предельно афористически.

У Степановой четверостишие Смит воспроизведено с определенным учетом всей тематики Смит: «Sharp Roman road to Paradise» передано «Ты путь прямой из Рима в рай», иначе говоря, из усложненной метафоры «остроты» остается только прямая каузальная связь и лев выступает одновременно и как инструмент

казни, и как полный путь. Все дистанции всеобщей эмпатии сокращаются, и простая связь причин обеспечивает доставку судьбы христианина на любое расстояние. Последние две строки, «Сожри скорей мое ты тело / Чтобы душа улетела», как перевод «Come eat me up, I'll pay thy toll With all my flesh, and keep my soul», только подтверждают сказанное: причинно-следственные связи действуют полностью, независимо от лирических эмпатических механизмов. Метафоры социальные, политические, потребительские, даже простые пищевые и ритуальные, уходят, и остается только инструментализация муки, превращающая душу в совершенный инструмент восприятия событий. Полное уничтожение тела означает полное спасение души, и здесь важно не выстраивание линий судьбы, линий дальнего действия, со сложными предзнаменованиями и метеорологическими или артистическими образами, а простое указание на то, как земное тело, погибшее, соотносится с небесным телом, оно же – спасаемая душа.

Другое подражание [Там же, с. 27] кажется довольно точным: ни одно слово не опущено, слова сохранены, более того, сохранен ритм. Кажется даже, что это не перевод минус, а перевод плюс:

Выключите свет,
Этот яркий свет,
Пусть наступит тьма.

Выключите День,
Ночь придет сама.

Put out that Light,
Put out that bright Light,
Let darkness fall.

Put out that Day,
It is time for nightfall.

Но на самом деле опущено название «Свет жизни», которое превращало это стихотворение в большую лирическую метафору, всеобщего соответствия образов дня и ночи, света и тьмы, этой эмоциональной включенности множества противоположностей, среди которых надо угадать свою судьбу. Исключение «метеорологического» (по Арату и Дашевскому) заглавия сразу вернуло стихотворение к ценностям ранней Стои. Несмотря на сохранение ритма, изменилась интонация. У Смит в мире всеобщей эмпатии стали уже действовать роковые механизмы, время тьмы уже наступает, и поэтому любой призыв, любое желание, чтобы тьма наступила – это в конце концов необходимость. Тогда как Степанова располагает сюжет между полным принуждением («пусть наступит») и полной свободой («ночь придет»), простое употребление будущего времени уже вводит другие

координаты, не эмпатии, а того, что даже если события предрешены и как будто принуждение желанно, а свобода неизбежна, прежде осознания желанности и неизбежности причинно-следственная связь сработает.

В стихотворении о воробье [Там же, с. 35] пропущены две средние строки, буквально: «Март, и тонкие ветки пляшут, и неистовый воробей встречается в них умело».

Вот летит воробей и на ветку прыг,
Аж пригнулась она от такой-то тяжести.
Сядь мне на сердце, радость моя –
Прижми его, чересчур разлетелось.

When the sparrow flies to the delicate branch
He seems to be a heavy one alighting there. (...)
Fly again to my heart oh my beloved,
My heart flies too high when you are absent.

Здесь тоже, помимо того, что мы узнаем все интонации Дашевского в переводе, опущение средних строк столь же значимо, сколь опущение заглавия в другом случае. Смит описывала мир весны, который настолько заражает всех эмоциями, что сердце не может не лететь вслед воробью, хотя всех все равно подстерегает пока незримый рок. Степанова иначе поступает, воробей оказывается предзнаменованном в смысле Арата, некоторым примером того, как даже в ситуации полной самостоятельности сердца причинно-следственная связь сработает, и она может оказаться как губительной для любви, так и спасительной для человека. Как звезды губят людей неумолимым ходом времени и спасают мореплавателей, так и здесь призыв к умеренности, начало самой древней стоической этики, оказывается губительным для всех сравнений и чувств, но спасительным для эстетического целого.

Степанова применяет и другие техники в гномической поэзии, например, в стихотворении, где Miss Pauncefort заменена на безличные «Они» («Они пели и пели на верхней ноте» [Там же, с. 8]), и тем самым тоже прослеживаются более общие этические законы причинно-следственных связей, но это требует отдельных исследований. Пока мы можем сформулировать выводы нашего исследования. Мария Степанова в книге «За Стиви Смит» широко заимствует опыт Григория Дашевского, причем как в технике перевода, так и в создании оригинальной поэтической стилистики, которая, по выводам исследователей Дашевского, может точнее перевода передавать достижения мировой поэзии различных эпох. При этом Степанова опирается не на отдельные особенности подхода Дашевского к поэзии, а тщательно реконструирует то движение мысли, которое стоит за этими переводческими решениями.

Но эта полная реконструкция движения мысли, достаточно обозначенная в прозаическом комментарии к книге «За Стиви Смит», не вполне прозрачна

в силу особенностей комментария, который раскрывает всегда движение от одного художественного решения к другому, и даже если указывает на вне-литературные мотивации художественных решений, то называет их по отдельности. Тогда как оригинальность подхода Степановой, творчески развивающего подход Дашевского, состоит в том, что таких мотиваций несколько. Они оказываются удачно суммированы в тексте Дашевского по классической филологии, который обычно не учитывается исследователями поэтики Дашевского и поэтики Степановой. Но именно обращение к этому тексту позволило реконструировать эту множественную внелитературную мотивацию, которая и создала новый тип перевода-подражания, обращающего переводимого автора к общим этическим истокам европейской цивилизации. Обращение к раннеэллинической этике позволило преодолеть инерцию романтизма, которая обычно даже если преодолевается на уровне отдельных решений, продолжает действовать в неосознаваемых эстетических предпочтениях, особенно когда поэт ориентируется на домодерное наследие. Здесь эта инерция была преодолена на уровне глубинного понимания того, как возможна гибель и спасение, и тем самым как стоические, так и христианские интенции Стиви Смит предстали в наиболее изящном и облагороженном виде.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Гномическое начало в поэтике Вяч. Иванова // *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest, 1996. Vol. 41. С. 3–12.
2. *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: Геликон, 1918. 202 с.
3. *Верина У. Ю.* «Большие» и «малые» поэтические формы в новых лиро-эпических отношениях (на материале поэзии М. Степановой) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2015. № 1. С. 44–52.
4. *Верина У. Ю.* Поэтика «молодости» и «зрелости» в лирике М. Степановой // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 205–222.
5. *Гутрина Л. Д.* Физиология, история и поэзия: творчество Марии Степановой на уроках литературы в старших классах // *Филологический класс*. 2016. № 3 (45). С. 49–53.
6. *Дашевский Г. М.* Переводы в режиме «минус...» // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 3 (73). С. 216–217.
7. *Дашевский Г. М.* Слава звезд и слава поэта // *Небо, наука, поэзия: Античные авторы о небесных светилах*. М.: МГУ, 1992. С. 5–22.
8. *Левченко А. В.* Перевод как смирение: поэзия в переводах Григория Дашевского // *Від бароко до постмодернізму*. 2015. № 19. С. 252–258.
9. *Марков А. В.* Григорий Дашевский: жизнь и одно стихотворение // *Русский журнал*. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Grigorij-Dashevskij-zhizn-i-odno-stihotvorenie>
10. *Марков А. В.* Переводы Марии Визи из Александра Блока: самосоздание контекстов // *Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2019а. № 4 (24). С. 57–63.

11. *Марков А. В.* Продуктивная катахреза в прозаическом двуязычии Анны Присмановой // Вестник Вологодского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019б. № 4 (15). С. 72–76.
12. *Пиотровска Й.* «Ключ к стихам – [...] то, что человек думает о себе или о своей жизни»: О поэтических принципах Григория Дашевского // *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje*. Księga ofiarowana Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz. Katowice, 2018. P. 379–391.
13. *Степанова М. М.* За Стиви Смит. М.: Новое издательство, 2020. 64 с.
14. *Цибуля А. С.* «Невидимка-пила» // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 285–289.
15. *Ямпольская А. В.* Революция в искусстве: эстетическая теория Кандинского в интерпретациях Мишеля Анри и Анри Мальдине // *EINAI: Проблемы философии и теологии*. 2016. Т. 5, № 1–2. С. 107–118.
16. *Smith S.* All the Poems. Kindle edition, 2016.

Сведения об авторе

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); e-mail: markovius@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-36>

TRANSLATION BOUNDARIES IN FOR STEVIE SMITH BY M. STEPANOVA

A. V. Markov (Moscow, Russia)

Abstract

Problem statement. The book *For Stevie Smith* by the Russian poet Maria Stepanova is a free translation of the verses by a famous British poetess. Stepanova, relying on Grigory Dashevsky's theory and practice, explains in detail the specifics of her work. However, due to specific features in Dashevsky and Stepanova's commenting method, the status of this type of imitations in the literary process remains not fully clarified.

Materials and methods. For the study, verses of the "gnomic" type were chosen. They express a single thought and allow one to see better mechanisms for constructing utterances that are different from those introduced by the rich imagery of plot poems. The main method was the reconstruction of the sources of Grigory Dashevsky's views on translation and imitation, going back to classical philology. The works were also taken into account of Stepanova's poetry experts and researchers, who posed close questions about the boundaries of art in creating new philosophical meanings similar to the philosopher and phenomenologist Anna Yampolskaya.

Results. The study proved that the position of Maria Stepanova reproduces the position founded by Grigory Dashevsky in interpreting the legacy of Aratus: the return from the ideals of semiotics of the Middle Stoa to the simplicity of the Early Stoa. Stepanova, unlike Dashevsky, not only sacrifices accuracy (in the terminology of Dashevsky, "translation minus"), but also adds something. Thus, it enhances the ethical pathos of Smith's poems, without any distortion of the plot of the poem, but due to a change in the coordinates in which didactic poem is read.

Conclusion. The *For Stevie Smith* book should be recognized as a special achievement of Russian poetry, not limited to the concepts of poetic translation and poetic imitation. This is an important experiment on updating of ancient and Christian ethics by exclusively lyrical means. In this experiment, a new type of translator refuses not from specific features of the form, but from the inertia of the romantic type of an utterance.

Keywords: *Maria Stepanova, Grigory Dashevsky, Stevie Smith, translation studies, imitation, lyrical variation, stoicism, ethics.*

Bibliograficheskij spisok

1. Averintsev S. S. Gnomicheskoe nachalo v poetike Viach. Ivanova [Gnomic principle in Vyach. Ivanov's poetry]. *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest, 1996. Vol. 41. S. 3–12.
2. Briusov V. Ia. Opyty po metrike i ritmike, po evfonii i sozvuchiiam, po strofike i formam [Experiments in metrics and rhythm, in euphony and harmonies, in stanza and forms]. M.: Gelikon, 1918. 202 p.
3. Verina U. Iu. „Bol'shie" i „malye" poeticheskie formy v novykh liro-epicheskikh otnosheniakh (na materiale poezii M. Stepanovoi) [„Large" and „small" poetic forms in new lyro-epic relations (on the matter of poetry by M. Stepanova)] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism, journalism]. 2015. № 1. S. 44–52.

4. Verina U. Iu. Poetika «molodosti» i «zrelosti» v lirike M. Stepanovoi [Poetics of «youth» and «maturity» in the lyrics of M. Stepanova] // *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2. Humanities]. 2017. T. 19, № 1 (160). S. 205–222.
5. Gutrina L. D. Fiziologiya, istoriya i poeziya: tvorchestvo Marii Stepanovoi na urokakh literatury v starshikh klassakh [Physiology, history and poetry: the work of Maria Stepanova in literature lessons in secondary school]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2016. № 3 (45). S. 49–53.
6. Dashevskii G. M. Perevody v rezhime «minus...» [Translations in the «minus...» mode] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2005. № 3 (73). S. 216–217.
7. Dashevskii G. M. Slava zvezd i slava poeta [Glory of the stars and the glory of the poet] // *Nebo, nauka, poeziya: Antichnye avtory o nebesnykh svetilakh* [Sky, science, poetry: Antique authors about celestial bodies]. M.: MGU, 1992. S. 5–22.
8. Levchenko A. V. Perevod kak smirenije: poeziya v perevodakh Grigoriia Dashevskogo [Translation as humility: poetry in the translations of Grigory Dashevsky] // *Vid baroko do postmodernizmu* [From Barocco to postmodernism]. 2015. № 19. S. 252–258.
9. Markov A. V. Grigorij Dashevskij: zhizn' i odno stihotvorenie [Grigory Dashevsky: His life and one of his poems] // *Russian Journal* [e-source] <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Grigorij-Dashevskij-zhizn-i-odno-stihotvorenie>
10. Markov A. V. Perevody Marii Vizi iz Aleksandra Bloka: samosozdanie kontekstov [Translations of Maria Vezev from Alexander Blok: self-creation of contexts] // *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaiia Grigor'evicha Stoletovykh. Ser.: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov. Series: Social and Human Sciences]. 2019. № 4 (24). S. 57–63.
11. Markov A. V. Produktivnaia katakhreza v prozaicheskom dvuiazychii Anny Prismanovoi [Productive catachresis in the prosaic bilingualism of Anna Prismanova] // *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vologda State University]. Ser.: Humanities. 2019. № 4 (15). S. 72–76.
12. Piotrovska I. „Kliuch k stikham – [...] to, chto chelovek думаet o sebe ili o svoei zhizni”: O poeticheskikh printsipakh Grigoriia Dashevskogo [„The key to poetry is [...] what a person thinks of him- or herself or his or her life”: On the poetic principles of Grigory Dashevsky] // *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacjie. Księga ofiarowana Pani Profesor Alicji Wołodzko-Butkiewicz. Katowice, 2018. S. 379–391.*
13. Stepanova M. M. *Za Stivi Smit* [For Stevie Smith]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2020. 64 s.
14. Tsibulia A. S. „Nevidimka-pila” [„The Invisible Saw”] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2014. № 4 (128). S. 285–289.
15. Yampolskaya A. V. Revoliutsiya v iskusstve: esteticheskaia teoriia Kandinskogo v interpretatsiyakh Mishelia Anri i Anri Mal'dine [Revolution in art: Kandinsky's aesthetic theory in the interpretations of Michel Henri and Henri Maldine] // *EINAI: Problemy filosofii i teologii* [EINAI: Problems of Philosophy and Theology]. 2016. Vol. 5, № 1–2. S. 107–118.
16. Smith S. *All the Poems*. Kindle edition, 2016.

About the author

Alexander Viktorovich Markov – Full Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow); e-mail: markovius@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-37>

УДК 82-31

МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

О. А. Кондакова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию мотивов смерти в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», являющихся значимыми и устойчивыми в мировой литературе. Выделяются и анализируются две основные разновидности смерти: физическая и символическая. На основании изученных работ М. Элиаде и О. Седаковой смерть рассматривается как процесс перехода из живого состояния в неживое и как переход в инопространство. В соответствии с классификацией мотивов смерти, данной О. Седаковой, выделяются и анализируются «своя» и «не своя» смерть. Жизнь и смерть, образуя неразрывную пару, рассматриваются и как единое, но вариативное, и как бинарная оппозиция.

Ключевые слова: *мортальные мотивы, символическая смерть, физическая смерть, Яхина.*

Постановка проблемы. Интерес к исследованию мортальных мотивов не случаен: смерть играет значимую роль в мифологии, обрядности, литературе разных времен. Отношение к смерти, погребальным обрядам помогает глубже понять культуру, философию, особенности уклада того или иного народа. Под мотивом в рамках данной статьи мы понимаем: «<...> обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы» [Силантьев, 2011, с. 4].

Смерть является лейтмотивом [Гаспаров, 1994, с. 263] дебютного романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015): «Смерть была везде. Зулейха поняла это еще в детстве. И трепетно-мягкие, покрытые нежнейшим солнечно-желтым пухом цыплята, и курчавые, пахнущие сеном и теплым молоком ягнята, и первые весенние мотыльки, и румяные, налитые тяжелым сахарным соком яблоки – все несли в себе зачаток будущего умирания» [Яхина, 2015, с. 139]. «Смерть была вездесуща – хитрее, умнее и могущественнее глупой жизни, которая всегда проигрывала в схватке» [Там же, с. 140]. Действительно, смертей разного рода в романе очень много, мы выделили две основные разновидности: физическая смерть и символическая смерть.

Смерть нельзя рассматривать как противоположность жизни, потому что она не отсутствие жизни, а ее завершение. Жизнь и смерть образуют неразрывную пару: могут рассматриваться как единое, но вариативное – жизнь может продолжаться в смерти, так и смерть может определять значение жизни. Однако также они могут представлять собой бинарную оппозицию: когда жизнь и смерть воспринимаются как взаимоисключающие состояния. Смерть в культуре, художе-

ственном тексте предстает как процесс перехода из живого состояния в неживое [Ковтун, Степанова, 2015, с. 144–152]; смерть в религии – тоже переход, но только из одной действительности в иную: в нирвану у буддистов, в рай или ад у христиан и мусульман [Постнов, 2001, с. 159–160].

М. Элиаде отмечает, что обряды перехода играют значительную роль в жизни как религиозного, так и нерелигиозного человека и сопровождают его на протяжении всей жизни, это обряды, совершаемые при рождении, посвящении по достижении половой зрелости, бракосочетании, смерти. Можно сказать, что в каждом из этих случаев речь идет о некотором посвящении, так как во всех случаях происходит коренная перемена онтологического состояния или общественного статуса. Что касается смерти, то здесь мы наблюдаем значительно более сложные обряды, ведь речь идет не только о «естественном явлении» (жизнь или душа покидает тело), а об «одновременном изменении как онтологического состояния, так и общественного положения: умирающий должен пройти через ряд испытаний, от которых зависит его загробная судьба, но кроме этого он должен быть принят сообществом мертвых и признан как один из них» [Элиаде, 1994, с. 116].

О. Седакова в своем исследовании акцентирует внимание на погребальной и поминальной обрядности как важнейшей составляющей славянских обычаев и отмечает, что в случае правильного совершения этого перехода умерший «приобретает статус душ, родителей, дедов» [Седакова, 2004, с. 32]. Если же по каким-то причинам переход не удастся: душа не может «выйти» из тела, или же ее «не принимают» земля или небо; либо не пропускают «сторожа», – то умерший оказывается «нечистым покойником». «В ходе погребального обряда должно стереться значение реального пространства кончины (дома, лавки в доме), и смерти должен быть отведен “освященный”, обрядово закрепленный участок земли. Там вместе с телом погребается и замыкается сама смерть. Если же реальное место кончины не снимается ритуальным, присутствие смерти или воплощающей ее нечисти консервируется, создается “нечистое”, “урочное”, “выморочное место”» [Там же, с. 75].

Результаты исследования. Мотив физической смерти широко представлен в романе: это тысячи ссыльных, погибших в пути по дороге в ссылку; три сотни утонувших при переправе через Ангару; смерти четырех дочерей Зулейхи, умерших во младенчестве; Муртазы; Мулы; Груни; Денисова и других, при всем при этом мы достоверно знаем только о захоронении дочерей Зулейхи, остальные тела не преданы земле, а значит, их смерть «не замкнута». Физическая смерть не однородна, условно ее можно разделить на «свою» и «не свою», «основание этого противопоставления – исключительно характер кончины человека: смерть от старости – „своя”; скоропостижная и насильственная смерть – „не своя”» [Там же, с. 39]. В романе Яхиной она тоже представлена по-разному: «своя» смерть (Мулы, Груни) и «не своя» смерть (Муртазы, Мансурки).

Муртаза погиб от рук «красноордынца» Игнатова. Основная характеристика Муртазы – хозяин, это признает даже Мансурка, обещая похоронить тело

Муртазы «по советскому обычаю»: «...хороший был хозяин...» [Яхина, 2015, с. 83]. «Сильный мужчина, большой <...> Хороший муж, что говорить» [Там же, с. 19], он погиб, защищая нажитое добро: «Умру, зубами вцеплюсь – не отдам! Мое!» [Там же, с. 52]. Сбылся пророческий сон Упырихи, «старуха осталась со своим обожаемым сыном в доме. <...> Догадается ли Мансурка похоронить Муртазу рядом с дочерьми? А Упыриху? В том, что старуха после смерти сына долго не протянет, Зулейха не сомневалась» [Там же, с. 102]. Зулейха думает о похоронах еще живой свекрови, зная наверняка, что со смертью Муртазы закончился и ее земной путь, т. к. слишком сильна была внутренняя связь между сыном и матерью, словно «не разрубленная пуповина» скрепляла их воедино, не давая Упырихе покинуть Муртазу и «этот мир», помогая слепой и глухой старухе слушать и давать советы своему великовозрастному сыну, а строгому и жестокому Муртазе быть ласковым и сентиментальным только по отношению к своей матери. Зулейха переживает, что не сможет выполнить «свой долг» перед мужем и похоронить его, как подобает «хорошей жене», рядом с их детьми, т. к. после того как «три огненных фэрэштэ – три красноордынца – увезли ее с мужниного двора» она уже не сможет «задабривать» духов кладбища и ее муж и дети останутся без должного «присмотра».

Смерть председателя сельсовета Мансурки-Репея «не своя», он тоже убит, и его смерть – возмездие за поломанные судьбы и разоренные дома: «Аллах тебя накажет, – бросает она (Зулейха) Мансурке. – Он вас всех накажет» [Там же, с. 84]. Мансурка-Репей, он же председатель сельсовета «бывший батрак Мансур Шигабутдинов», пришедший из соседнего кантона, не имевший ни семьи, ни совести, забывший Аллаха и своих предков, называвший своих селян «язычниками», за свои «злодеяния» был убит и остался висеть на заборе, «проколотый двумя кривыми серпами» [Там же, с. 87], на границе дома и околицы, на границе двух миров. Одна из причин «нечистой» или «трудной» смерти – грешная жизнь, а «всякий грешник умирает трудно, смерть в этом случае представляется как возмездие и как способ узнать о будущей жизни покойного» [Леон-Порфилья, 1961, с. 226].

Мулла – умер во сне «своей» смертью, а «умершие своей смертью почитались как предки» [Седакова, 2004, с. 39]. Он олицетворение истинной веры, он сам вел праведную жизнь и следил, чтобы и другие не сбивались с истинного пути и укреплялись в истинной вере: вел намазы, наказывал мужьям передавать женам, оставшимся дома, содержание пятничных бесед, и Зулейха знала, что «все в этом мире идет своим чередом, порядок вещей – незыблем» [Яхина, 2015, с. 103]. Он до последнего момента служил Аллаху: первый вошел в разоренную мечеть, первый встал на колени, и долго-долго молился. Мулла умер в оскверненной, но сохранившей свою «святость» мечети: «Даже острый запах бараньего навоза не мог перебить ее особого, еще сохранившегося по углам аромата» [Там же, с. 100], считается что «святость Храма защищена от всякой земной порчи, <...> а следовательно, он расположен рядом с богами, на Небе. Высшие модели суще-

ствуют в духовном, не подверженном порче небесным миром» [Афанасьев, 2014, с. 44]. Его смерть в мечети очень символична: в священном для мусульман месте осуществляется переход от одного способа существования к другому. Аллах забрал к себе праведника, тем самым показав свою силу Всевышнего. А «улыбка» на лице муллы, говорит о том, что, погрузившись в вечный сон, он нашел успокоение: «Открытые глаза муллы застыли и смотрят вверх <...> бегущие от носа к подбородку морщины сложили губы в бледную сухую улыбку <...> Тело муллы было решено оставить в кантоне для захоронения» [Яхина, 2015, с. 106]. Упоминание времени тоже не случайно, чаще именно на рассвете, на стыке дня и ночи человек уходит в иной мир, и эта смерть во сне считается привилегией праведного человека и наделена особой значимостью.

Смерть Груни хоть и «своя», но она назидательная. Груня «тяжелой солдатской поступью» вошла в этот дом двадцать лет назад, и «Вольф Карлович мгновенно капитулировал, с безропотной радостью отдал ей бразды правления своим невеликим хозяйством, чтобы с головой погрузиться в упоительный мир загадок человеческого тела» [Там же, с. 110]. Сначала Груня окружила его заботой и вниманием, а потом с помощью доноса «избавилась» от него, чтобы заполучить его «квадраты» и жилплощадь. Она наказана – умирает, «не разрешившись» в родах: «При родах скончается, доктора из университетской клиники лишь сокрушенно разведут руками: слишком тяжелый случай» [Там же, с. 133]. Груня написала ложный донос на человека, который безгранично ей доверял, тем самым подписав себе «смертный приговор», т. к. возможно Лейбе был единственным человеком, способным ей помочь «разрешиться в родах».

Смерть Муртазы и Мансурки – «не своя», поскольку скоропостижна и случайна, а «заложных», случайно умерших, следовало избегать, у умершего не своей смертью не может быть «последователей» [Седакова, 2004, с. 143]. Смерть Мансурки прерывает его род. Муртаза же отчасти возрождается в сыне, т. к. он является частью его самого и носит его фамилию. Но Юсуф совсем не похож на своего отца, он образован, хорошо воспитан и очень почитает свою мать. В воспитании Юсуфа участвовали многие, и от каждого он взял что-то свое. В конце романа Игнатов сделает новые документы для Юсуфа и изменит фамилию, отныне сын Муртазы станет носить фамилию человека, убившего его отца. Смерть Муллы и Груни – «своя», но как по-разному выглядят эти смерти, мулла оставил после себя светлую память и осуществил переход от одного способа существования к другому, от смерти к новой жизни, тогда как Груня получила смерть и ничего более, ее род с потерей не родившегося ребенка был прерван.

Символическая смерть, то есть завершение определенного этапа или утрата определенной роли, представлена в романе как перерождение литературных героев. Практически все герои романа «переродились» – реализовались в ссылке и достигли определенных высот.

Самые разительные перемены происходят у Зулейхи, на протяжении всего повествования «глаза» главной героини «открываются» все шире и шире, и в кон-

це перед нами уже не «мокрая курица» [Яхина, 2015, с. 12], а состоявшаяся личность: мать, охотник, любимая и любящая женщина. Смерть главной героини – явление ментальное и знаменует перерождение героини, как избывание в себе слабости, робости и подчинения: «Все, чему учила когда-то мама, что считалось правильным и нужным <...> что составляло, казалось, суть Зулейхи <...> рассыпалось, распадалось, рушилось. Правила нарушались, законы оборачивались своими противоположностями. Взамен возникали новые правила, открывались новые законы» [Там же, с. 214]. Ее путь к перерождению не был простым, много испытаний свалилось на ее хрупкие плечи, но она все вытерпела: «тяжкий безнадежный труд, побои, оскорбления» в Юлдаше; смерть мужа и потерю жизненных ориентиров; долгую дорогу в Сибирь; голод и холод; страх потерять сына, сначала при вынашивании беременности, а потом от голода и неизвестной болезни, но «эта новая жизнь – ледяной сибирский ад, уготованный советской властью для раскулаченных, внезапно оказывается заметно лучше той, которую Зулейха вела до сих пор. Для нее открывается целый мир – любви, материнства, самостоятельных решений и всего того, о чем на протяжении первых 30 лет жизни она попросту не имела понятия» [Пустовая, 2019, с. 125–138].

Игнатов как «записался в восемнадцатом в Красную Армию – и поехало: сначала Гражданская, потом басмачей рубил а Средней Азии» [Яхина, 2015, с. 94], он искренне не понимал, как можно любить женщину. «Любить можно великие вещи: революцию, партию, свою страну <...> класть на две чаши весов какую-то бабу и Революцию?» [Там же, с. 95], по прошествии времени его ценности кардинально изменятся. Игнатов разочаруется в советской власти, станет «не удобен» и не нужен своему действующему «идейному» руководителю Кузнецу, проникнется некой симпатией к ссыльным и испытает неведомые ранее чувства к «раскулаченной гражданке» Зулейхе и из фанатичного красноармейца превратится в адекватного, понимающего и «любящего женщину» человека.

Иконников Илья Петрович, «известный художник, Ленина для плакатов рисовал», «к труду непривычен и не приспособлен, слаб телом, безволен» [Там же, с. 240], по мнению Игнатова, что, однако, не помешало ему расписать клуб, словно храм, по своему разумению: «Его томило большое и сложное чувство, смесь вдохновения, тоски, давно забытого юношеского восторга, отчаяния и какой-то щемящей нежности к не созданной еще и даже толком не придуманной росписи» [Там же, с. 377]. Иконников, единственный из «бывших», покинет спецпоселение Семрук, уйдет на фронт, защищать Большую землю.

Сумлинский Константин Арнольдович, «ученый – не то географ, не то агроном» [Там же, с. 240], в поселении стал агрономом, с разрешения Игнатова заказывал «дополнительные семенные ресурсы, да еще с указанием конкретных сортов», подтвердил свою диссертацию на практике и добился хороших результатов в своем деле, «семрукский колхоз» не только снабжал продуктами поселок, но и поставлял их на Большую землю и слыл лучшим колхозом среди спецпоселений.

Лейбе Вольф Карлович, «выживший из ума немец» [Там же, с. 243], давно и надежно укрывшийся а «яйце». Некогда «Профессор Казанского университета в третьем поколении» был практикующим хирургом, чья «практика была обширна, люди дожидались очереди на операцию месяцами» [Там же, с. 110], не практикующий в течение десяти лет, именно на острове, вдали от университетов и оборудованных больниц, снова обрел медицинскую практику и уважение окружающих, молва о его «даре врачевания» росла ежегодно, как и поток ходяков к «известному лекарю».

«Ленинградцы», «бывшие люди», образованные и интеллигентные, были отправлены в ссылку «освободиться от оков старого мира – навстречу новой свободе» [Там же, с. 162], как ни парадоксально, но вдали от Большой земли они действительно получили свободу в самореализации: смогли переродиться через мастерство или любовь. Процесс перерождения явлен как символическая смерть, переход от одного состояния / статуса в иное.

Сам путь на поселение насыщен мортальными мотивами. «Ленинградские бывшие» и «граждане раскулаченные» преодолели сотни километров собственного пути, чтобы встретиться в одной точке, на богом забытом острове, затерянном среди могучих вод Ангары. Тысячи человек погибли в пути: от голода и изнеможения в поезде «конечного следования» и в барже «Кларе», перевозившей в своем «чреве» три сотни человек, обреченных на верную смерть. До «конечного пункта назначения» – до «острова мертвых» – добрались лишь единицы. Как мифический остров мертвых омывают пустынные зеркальные воды подземной реки Ахерон, через которую лодочник Харон переправляет души усопших, так и Могучие реки Енисей и Ангара служат элементом обряда перехода. О. Седакова выделяет две функции воды в этом качестве: «преграда между миром живых и миром мертвых или средство связи между ними» [Седакова, 2004, с. 55]. Образ реки: «Ангара <...> кому – мать, кому – сестра, кому – мачеха. А кому и вовсе могила» [Яхина, 2015, с. 218], – представлен в романе в разных вариациях: река как граница, отделяющая ссыльных от «большой земли»; река как символ смерти (затопление баржи); река как символ новой жизни (отбытие Юзуфа на большую землю).

Выводы. После проведенного исследования стало очевидно, что Г. Яхина широко использовала мотив смерти как один из сюжетообразующих конструктов прозы. Физическая и символическая смерть в романе демонстрируют статус того или иного героя, позволяет глубже понять сюжетные ходы и образную систему. «Своя» и «не своя» смерть не являются определяющим фактором, поскольку представлены вариативно, большее значение имеет то, что происходит после смерти: является ли смерть конечной точкой или переходом в иное состояние, дающее возрождение в перспективе.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Мифы древних славян. М., 2014. 290 с.
2. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М., 1994. 263 с.

3. Ковтун Н. В., Степанова В. А. Трансформация погребального обряда в поздних рассказах В. Распутина // Вестник КемГУ. 2015. Вып. 2 (62), т. 4. С. 144–152.
4. Леон-Портилья М.: Философия нагуа. Исследование источников. М., 1961. 268 с.
5. Постнов О. Г. Смерть в России X–XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001. 224 с.
6. Пустовая В. Е. Большой роман с вишенкой // Вопросы литературы. 2019. № 2.
7. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. 320 с.
8. Силантьев И. В. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2011. 311 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр.; предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994. 144 с.
10. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза: роман / предисл. Л. Улицкой. М., 2015. 508 с.

Сведения об авторе

Кондакова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: ms.olu@list.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-9-1-37>

MORTAL MOTIVES IN GUZEL YAKHINA'S NOVEL ZULEYKHA OPENS HER EYES

O. A. Kondakova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the motives of death in G. Yakhina's novel *Zuleykha Opens Her Eyes*, which are significant and stable in the world literature. Two main types of death are distinguished and analyzed: physical and symbolic. On the basis of the studied works by M. Eliade and O. Sedakova, death is considered as a process of transition from a living state to a non-living state and as a transition to another space. In accordance with the classification of death motives given by O. Sedakova, „own” and „not own” death are distinguished and analyzed. Life and death, forming an inseparable pair, are considered both as a unified but variable whole, and as a binary opposition.

Keywords: *mortal motive, death, symbolic death, physical death, Yakhina.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Afanas'ev A. N. Mify` drevnix slavyan [Myths of the ancient Slavs]. M., 2014. 288 s.
2. Gasparov B. M. Literaturny`e lejtmotivy`: ocherki russkoj literatury` XX veka. M., 1994. 263 s.
3. Kovtun N. V., Stepanova V. A. Transformaciya pogrebal'nogo obryada v pozdnix rasskazax V. Rasputina // Vestnik KemGU. 2015. Vy`p. 2 (62), t. 4. S. 144–152.
4. Leon-Portil`ya M.: Filosofiya nagua. Issledovanie istochnikov. M., 1961. 268 s.
5. Postnov O. G. Smert` v Rossii X–XX vv.: istoriko-e`tnograficheskiy i sociokul`turny`j aspekty`. Novosibirsk, 2001. 224 s.
6. Pustovaya V. E. Bol`shoj roman s vishenкой // Voprosy` literatury`. 2019. № 2.
7. Sedakova O. A. Poe`tika obryada. Pogrebal'naya obryadnost` vostochny`x i yuzhny`x slavyan [Poetics of the rite. Funeral rites of Eastern and southern Slavs]. M., 2004. 320 s.
8. Silant`ev I. V. Syuzhetno-motivny`e komplekсы` russkoj literatury`. Novosibirsk, 2011. 311 s.
9. E`liade M. Svyashhenoe i mirskoe / per. s fr., predis. i komment. N. K. Garbovskogo. M., 1994. 144 s.
10. Yaxina G. Sh. Zulejxa otkry`vaet glaza: roman / predisl. L. Uliczkoy. M., 2015. 508 s.

About the author

Kondakova Olga Anatolevna – MA Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: ms.olu@list.ru

УДК 821.161.1

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНАХ В. ПЕЛЕВИНА

Е. И. Зелинская (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье предпринята попытка описать функции эсхатологических мотивов в романах В. Пелевина. Рассматривается устойчивая тенденция, в рамках которой прозаик регулярно возвращается к сходным комплексам религиозно-философских мотивов. Рассматривается религиозно-мистическая проблематика романов В. Пелевина – вопросы мироустройства, природы человека и смысла его существования. В заключение сделаны выводы о том, что Пелевин использует совокупность эсхатологических мотивов-маркеров, повторяющихся в разных произведениях.

Ключевые слова: апокалипсис, эсхатологическая мотивика, религиозно-мифологическая система, религиозно-мистическая тематика.

Постановка проблемы. Эсхатологические мотивы пронизывают все романы В. Пелевина, повторяются, видоизменяются. Писатель создает причудливую композицию из известных мифологий всех стран и народностей: индийской, древнеегипетской, тибетской, шумеро-аккадской, германо-скандинавской – и индейцев Северной Америки, а также выдумывает их самостоятельно, мешая воедино древние мифы всех стран и народностей [Булгаков, 2014]. Такая эклектика выглядит, тем не менее естественно, так как в основе большинства мифов лежит проблема преодоления смерти или хотя бы ее страха.

В. Пелевина активно исследуют отечественные критики: профессор Сергей Корнев, Карен Симонян; Александр Генис посвятил ему отдельную радиопередачу. На просторах Интернета о романах писателя активно пишут блогеры. Например, в своей статье автор Astidora повествует о том, что мир так или иначе приходит к катастрофе [Astidora, 2017]. В «Священной книге оборотня» появляется пес «Гарн», по его словам, он – полный «Пи...ец», может помочь прекратить все или наступить всему [Магун, 2017]: «И среди этих богов был такой хромой пес Пи...ец с пятью лапами. В древних грамотах его обозначали большой буквой „П” с двумя запятыми. По преданию, он спит где-то в снегах, и, пока он спит, жизнь идет более-менее нормально. А когда он просыпается, он наступает. И поэтому у нас земля не родит, Ельцин президент и так далее. Про Ельцина они, понятно, не в курсе, а так все очень похоже» [Пелевин, 2016]. В германо-скандинавской мифологии встречается описание пса Гарма, хтонического существа, который охраняет мир мертвых. Вой Гарма будет одним из признаков начала Рагнарека – гибели богов и всего мира [Топоров, 1988].

Результаты исследования. Роман «Empire „V” заканчивается лирическим размышлением: «Когда-то звезды в небе казались мне другими мирами, к которым полетят космические корабли из Солнечного города. Теперь я знаю, что их острые точки – это дырочки в броне, закрывающей нас от океана безжалостного света. На вершине Фудзи чувствуешь, с какой силой давит этот свет на наш мир. И в голову отчего-то приходят мысли о древних. “Что делаешь, делай быстрее...” Какой смысл этих слов? Да самый простой, друзья. Спешите жить. Ибо придет день, когда небо лопнет по швам и свет, ярости которого мы даже не можем себе представить, ворвется в наш тихий дом и забудет нас навсегда» [Пелевин, 2013].

Наиболее характерное пелевинское размышление о конце света – это ранний роман «Чапаев и Пустота» [Долин, 2010], где Василий Чапаев строит магический пулемет из пальца Будды и с его помощью уничтожает весь мир [Пелевин, 2015].

В этом кроется символический смысл основ буддизма: равнодушие к устройству бытия и единственная цель – прекращение страданий и выход из Сансары, пусть и ценой разрушения мира [Генис, 2007].

Однако на этом роман не заканчивается, потому что затем главный герой Петр просыпается в психиатрической клинике в современной России и ему говорят, что все произошедшее было галлюцинацией. Но и это тоже сомнительно, ведь точки зрения разных линий повествования оказываются равноценными [Шилова, 2011]. Герой постепенно приходит к выводу, что мир, в котором он очнулся, на самом деле фикция, сочиненная Григорием Котовским. В романе красный начдив – «знаменитый мистик», эмигрировавший в Париж и там, согласно подозрениям Петра, создавший гротескную иллюзию России девяностых (с ее смесью советской и западной жизни). В ответ на эту псевдореальность Петр рассказывает анекдот про Котовского, в котором лысая голова последнего прокалывается и взрывается как мыльный пузырь. Затем он читает стихотворение о пустоте, выстреливает ручкой в лампочку и так попадает обратно в альтернативный мир Гражданской войны, где снова встречает Чапаева. Особое место занимают эсхатологические мотивы ада в романе «Чапаев и Пустота» [Булгаков, 2014]. Чапаев и Петька ведут дискуссии о философии, о строении мироздания, посещают загробный мир и в конце романа тонут в реке Урал – «условной реке абсолютной любви», приносящей освобождение от колеса Сансары [Некрасов, 1999]. В романах Пелевина легко просматривается как большая, космическая (от греч. «κόσμος – «мир»), так и малая, личностная эсхатология [Телегин, 2011]. Так, в качестве частного случая ее реализации на социально-личностном уровне у героев романов происходит крах их представлений о мире [Фрумкин, 2010], т. е. его крушение, конец и, нередко, символическая смерть героя и возрождение его в новом качестве [Булгаков, 2014].

В другом романе Пелевина «Любовь к трем цукербринам» [Пелевин, 2014] рассказывается о том, как исламский террорист взорвал оппозиционную газету.

Однако за этой мнимой формой кроется более фундаментальная драма, где главный герой, наделенный даром ясновидения, подвергается преследованию демонических злых Птиц, *angrybirds*. Они хотят убить Бога, принимающего образ толстой свиньи, и используют для этой цели людей (они бросаются людьми в Бога, так же как люди бросаются птицами в известной игре). Тактика состоит в том, чтобы завладеть человеком и заставить его очень сильно страдать, разгромить Бога этим крайне мрачным чувством [Магун, 2017]. Все это приводит к вышеупомянутому взрыву, но в видении жертвы взрывается ядерная бомба, уничтожающая всю Землю. Это конец нашего мира, но не мира как такового: главный герой выживает, путешествуя среди многих миров, и узнает, что один из его бывших коллег сам и создает эти миры.

Выводы. В романах В. Пелевин использует эсхатологические мотивы и образы в качестве метафор социально-политической реальности [Макеева, 2008], а также для описания пути героя по достижению высшего развития своего Эго – осознание иллюзорности реальности, познание подлинного бытия как «мир за окном», путешествия в загробный мир, перерождение в новом качестве. Описание жизни и пути героев напоминают реминисценции ада и Дантова ада в представлении восточных религий.

Библиографический список

1. Булгаков Р. Эсхатологический миф в романах В. Пелевина 90-х годов XX века // Литература и лингвистика: вчера, сегодня, завтра: II Всероссийская научно-практическая интернет-конференция: матер. конф. (Казань, 25 ноября 2014 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid; сост. Д.Н. Синяев. Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. С. 9–15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.paxgrid.ru/proceedings_letter2014.pdf
2. Генис А. Феномен Пелевина [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>
3. Долин А. Виктор Пелевин: новый роман [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dolin/1.html>
4. Магун А. Постмодернистский апокалипсис Виктора Пелевина // *Stasis*. 2017. № 1. С. 104–122.
5. Макеева К. Творчество Виктора Пелевина [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html>
6. Некрасов С. Субъективные заметки о прозе Виктора Пелевина [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-nekr/1.html>
7. Пелевин В. Любовь к трем цукербринам (2014) // Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2014. 448 с.
8. Пелевин В. Священная книга оборотня (2004) // Проза Виктора Пелевина. М.: Изд-во Э, 2016. 416 с.
9. Пелевин В. Чапаев и Пустота (1996) // Проза Виктора Пелевина. М.: Изд-во Э, 2015. 416 с.
10. Пелевин В. Empire «V» (2006) // Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2013. 416 с.
11. Телегин С. М. Методические рекомендации к изучению политической мифологии в современном романе // *Культура и текст*. 2011. № 12.
12. Топоров В. Эсхатологические мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2.

13. Фрумкин К. Г. Эпоха Пелевина [Электронный ресурс]. URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=81&Itemid=8
14. Шилова Л. Н. Традиции жанра видений в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-vision/1.html>
15. Astidora. Постмодернистский апокалипсис Виктора Пелевина [Электронный ресурс]. URL: <https://orden-bezdna.livejournal.com/388337.html>

Сведения об авторе

Зелинская Екатерина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: ekaterina.zelinskaia@gmail.com

ESCHATOLOGICAL MOTIVES IN V. PELEVIN'S NOVELS

Ye. I. Zelinskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

This article attempts to describe the functions of eschatological motives in V. Pelevin's novels. We consider a stable trend in which the prose writer regularly returns to a similar set of religious and philosophical motives. The article deals with religious and mystical problems of V. Pelevin's novels such as: questions about the world order, the nature of a man and the meaning of his existence. In conclusion, it is concluded that Pelevin uses a set of eschatological motifs as markers that are repeated in different works.

Keywords: *apocalypse, eschatological motivation, religious-mythological system, religious-mystical themes.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bulgakov R. Eskhatologicheskij mif v romanah V. Pelevina 90-h godov HKH veka [Eschatological myth in V. Pelevin's novels of the 90s of the XX century] // Literatura i lingvistika: vchera, segodnya, zavtra: II Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya Internet-konferenciya: Materialy konf. (Kazan', 25 noyabrya 2014 g.) // Servis virtual'nyh konferencij Pax Grid; sost. D. N. Sinyayev. Kazan': IP Sinyayev D. N., 2014. S. 9–15 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.paxgrid.ru/proceedings_letter2014.pdf
2. Genis A. Fenomen Pelevina [The Pelevin Phenomenon] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>
3. Dolin A. Viktor Pelevin: novyj roman [Victor Pelevin: a new novel] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-dolin/1.html>
4. Magun A. Postmodernistkij apokalipsis Viktora Pelevina [Postmodern Apocalypse of Victor Pelevin] // Stasis. 2017. № 1. S. 104–122.
5. Makeeva K. Tvorchestvo Viktora Pelevina [Creativity Of Viktor Pelevin] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html>
6. Nekrasov S. Sub"ektivnye zametki o proze Viktora Pelevina [Subjective notes on Victor Pelevin's prose] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-nekr/1.html>
7. Pelevin V. Lyubov' k trem cukerbrinam (2014) [The love for three zuckermann] // Edinstvennyj i nepovtorimyj. Viktor Pelevin. M.: Eksmo, 2014. 448 s.
8. Pelevin V. Svyashchennaya kniga oborotnya (2004) [The Holy book of the werewolf] // Proza Viktora Pelevina. M.: Izd-vo E, 2016. 416 s.
9. Pelevin V. Chapaev i Pustota (1996) [The Clay Machine-Gun] // Proza Viktora Pelevina. M.: Izd-vo E, 2015. 416 s.
10. Pelevin V. Empire "V" (2006) [Empire V: The Prince of Hamlet] // Edinstvennyj i nepovtorimyj. Viktor Pelevin. M.: Eksmo, 2013. 416 s.
11. Telegin S. M. Metodicheskie rekomendacii k izucheniyu politicheskoy mifologii v sovremennom romane [Methodological recommendations for the study of political mythology in the modern novel] // Kul'tura i tekst. 2011. № 12.
12. Toporov V. Eskhatologicheskie mify [Eschatological myths] // Mify narodov mira: enciklopediya. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1988. T. 2.
13. Frumkin K. G. Epoha Pelevina [The Pelevin Era] [Elektronnyj resurs]. URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=81&Itemid=8

14. Shilova L. N. Tradicii zhanra videnij v romane V. Pelevina „Chapaev i Pustota” [Traditions of the genre of visions in V. Pelevin’s novel „The Clay Machine-Gun”] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-vision/1.html>
15. Astidora. Postmodernistkij apokalipsis Viktora Pelevina [Victor Pelevin’s postmodern Apocalypse] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://orden-bezdna.livejournal.com/388337.htmlom/388337.html>

About the author

Zelinskaya Yekaterina Igorevna – MA Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev; e-mail: ekaterina.zelinskaia@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: очень кратко, постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация и перевод);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т. ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и Bibliograficheskiy spisok.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А. Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Голуб Г. Б., Фишман И. С., Фишман Л. И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.

2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

3. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Какого его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

4. Шкерина Л. В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

5. Shershneva V. A., Shkerina L. V., Sidorov V. N., Sidorova T. V., Safonov K. V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A. G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskiy spisok

Образец оформления

При ссылке на русскоязычный источник обязательны транслитерация и перевод (текст на английском языке заключается в квадратные скобки):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs, *In Sovetskaia arkheologiya Soviet archeology*]. 2015. № 1. S. 5–10. DOI:

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style (2011). URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (data obrashheniya: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2020. № 1 (9)

Журнал

Редактор М. А. Исакова
Корректор Ж. В. Козупица
Редактор английского текста Н. С. Шалимова
Технический редактор В. В. Ингул
Верстка Н. С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В. П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 20.02.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 9,25